

Андрей Всеволодович Остальский
Английская тайна
Серия «Любовь и власть»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6529858
Андрей Остальский. Английская тайна: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-68556-1

Аннотация

Что должен думать человек, если в один прекрасный день встречается женщину, неотличимую от его собственной жены, а спустя несколько дней видит ее под руку с мужчиной, как две капли воды похожим на него самого? Конечно же, что это розыгрыш! Но Александру Тутову не до смеха. Он подозревает, что попал в серьезную передрагу и что его размеренному эмигрантскому существованию в английском графстве Кент пришел конец. Чтобы спастись, надо разобраться, кто и зачем плетет против него заговор, и главное – понять самого себя, научиться отличать настоящее от подделки.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Остальский

Английская тайна

Пролог

Хозяин вдруг сказал: стоп! И остановился как вкопанный. Быч чуть не налетел на него: еле-еле остановил движение – в миллиметре за хозяйской спиной. А тот стоял, неотрывно глядя на что-то в районе центрального входа. Постоял, постоял, а потом, ни слова не говоря, круто повернул вправо и пошел вдоль вокзального здания. Что ему там понадобилось, неизвестно. Не изволит объяснять охране своих мотивов.

Ну вот, всегда так. Как вообще в такой ситуации работать профессионалу?

В помощниках в тот день у Быча были Пересыпкин с Ярчиком. Не худший вариант, но и не лучший. Со стандартной ситуацией справятся, но ничего сверхчеловеческого от них не жди. Впрочем, где они, вообще, супермены? Давно кончились, ушли в легенды богатыри достоправного Девятого управления. Оставалось надеяться, что предполагаемый противник никак не мог угадать, что Хозяину вздумается оказаться именно в этот час в этом самом месте, ведь решение о том, чтобы ехать в Москву десятичасовым поездом, было принято буквально в последний момент. Как это у Хозяина и водится. Если даже пронюхают, размышлял Быч, то слишком мало времени у них остается, чтобы организовать что-нибудь толковое. Ануфриев, помощник, рванул на вокзал впереди всех, как-то договорился с администратором, взял два купе. Как и планировалось, домчались до вокзала за шесть минут, без остановок на светофорах, с включенной сиреной.

Вылезли из машин на углу площади, где остановка запрещена. Ну, кому запрещена, а кому – нет. Всего-то пару сотен менту сунуть, и никаких проблем.

Теперь до отбытия оставалось семь минут. Так и было задумано: приехать в самый последний момент. А оттуда, от угла площади до входа в Депутатский – всего метров тридцать, не больше. Несколько секунд, и в дамках!

Молодой Ярчик шел впереди, прокладывал дорогу, Пересыпкин прикрывал сзади, а сам Быч держался рядом, плечо к плечу с Хозяином, не отрывая ни на секунду пальцев от ручки пистолета.

И вот теперь – все насмарку. Потому что Хозяину приспичило, видите ли, ни с того ни с сего рвануть к главному входу. Что он там вообще забыл? Как вот работать с таким непредсказуемым, импульсивным человеком? То ли дело были секретари ЦК, которых Быч успел поохранять в достоправные времена СССР и Девятого управления. Ни на метр от утвержденного маршрута! Ни на минуту от назначенного времени. Красота, профессионализм, гармония. А теперь вот – капризный такой Хозяин. В прошлый раз на целые сутки застрял на даче у своего дружка Кретова. А потом ни с того ни с сего помчался в Ростов. Полетел на частном самолете, но ждать, пока самолет вернется из Тувы, не захотел, решил ехать в Москву на поезде. Быч виду не подал, как и пристало профи, все организовал блестяще, свел риск к минимуму. Хозяин мог бы и оценить. Сказать что-нибудь приветливое. Отметить, буркнуть хотя бы: Бычков, ты молодец. Все на уровне у тебя, как всегда. Ха-ха, конечно, ждите. Да он о его существовании не помнит вообще.

Теперь вот понадобился ему зачем-то главный вход. А к нему идти – сквозь толпу надо пробираться. Какая тут, к Аллаху, безопасность! Быч даже не заметил, как от напряжения у него пот по шее потек – так он был поглощен попыткой удержать ситуацию под контролем. Но, надо было признаться честно, это было невозможной задачей. Слишком много людей, снующих, идущих сразу во все стороны, стоящих, сидящих, жующих, курящих. И Ярчик, и

Пересыпкин – стрелки отменные, но здесь не в этом фишка, здесь вам не тир. Да и вообще – пусть ты самый что ни на есть гениальный телохранитель на свете, но ни таланты, ни тренировки бесконечные, ни опыт колоссальный – ничто не поможет, если что. Если попадешь здесь, в неуправляемой толпе, в засаду. А там уж дальше как повезет. Ведь есть предел тому, на что способен человек.

Слева от главного входа стенку подпирала группа веселых проституток, с утра уже слегка поднабравшихся. Отдельно от них, с левой стороны стояла еще одна, какая-то совсем непрезентабельная, бледная, с брезгливым выражением немывтого лица. В мятом, выдавшем виды платье.

Мочалочка стояла себе, подпирала стеночку, никого не трогала. Мучилась с похмелья, но это были ее личные проблемы, никого другого не касающиеся. И вдруг как снег на голову – мажор этот с целой свитой. Зачем она могла ему понадобиться? Бред какой-то...

Стоит, разглядывает, как покупатель на невольничьем рынке, и ухмыляется, вроде как смешно ему почему-то.

Стоял-стоял, ухмылялся-ухмылялся и говорит:

– Как тебя зовут?

– А тебе зачем? – огрызнулась Мочалочка.

– Ну значит надо, раз спрашиваю...

Она хотела его послать на три буквы или спросить дерзко: а тебя как? Но прикусила язык, хватило соображалова не дразнить мажора – а то ведь с него станется, бить начнет. Выбьет пару зубов – запросто, и Мишку-Стригуна на помощь не позовешь. Куда там, когда у этого архангелы со стволами...

– Чего молчишь? Как зовут, спрашиваю! – разозлился, улыбаться перестал. Правильно она сделала, что не стала задираться. Они же теперь все такие, нетерпеливые. Выдавила из себя, не глядя мажору в глаза:

– Ну, Аля...

– Аля – это Александра, что ли?

– Нет. Аля, и все...

Не произносить же вслух ее полного татарского имени. Между прочим, красивого и старинного. Ханского. От прабабушки доставшегося. Разве эти поймут? Издеваться станут. Ну а этой идиотской клички, которой ее ростовские наградили, мажору и подавно знать не обязательно. Нет, это надо же – Мочалкой прозвать! Станешь тут хоть мочалкой, хоть кем, когда жрать нечего...

Нахальная какая попалась, думал Быч, сейчас Хозяин съездит ей по физии, будет знать. У него с этой категорией трудящихся разговор короткий.

Но нет, удивил. Бить не стал. Говорил с ней спокойно, с улыбкой даже. Чем это она ему так понравилась...

– Ну ладно, допустим, Аля, – сказал хозяин. – Поедешь с нами в Москву.

– Никуда я не поеду, иди ты нах...

Но Хозяин щелкнул пальцами, и Пересыпкин схватил Мочалочку за руку. И потащил к платформе. У Пересыпкина не забалуешь.

Слава богу, двинулись. А то до отправления только три минуты осталось.

В купе она успокоилась. Сидела с закрытыми глазами, будто спала. А Хозяин уселся напротив и снова ее в упор разглядывал и все чего-то языком цокал. Сказал вдруг:

– Ну и ну!

Она тут же глаза открыла, спросила:

– Что – ну и ну?

– Да так, – сказал Хозяин уклончиво. – Потом объясню.

Чего он в ней нашел? – думал Быч. И вдруг до него дошло: да ведь если взглядеться хорошенько, так ведь классная баба! Внешность тонкая такая, необычная, нездешняя... Если отмыть ее да почистить как следует... Одеть попримечнее... Подкормить слегка – будет та еще красotka. Большой кайф, кто понимает. Но не сразу это разглядишь. Нет, Хозяин он в этом деле – первый знаток.

Она смотрела тяжело. Устало и зло. Ваша взяла, черт с вами, делайте что хотите, читалось в ее взгляде.

– Хоть поесть дайте, – сказала.

– Дадим, дадим... не волнуйся... И поесть, и выпить... и много чего еще другого дадим... Если обо всем договоримся, конечно...

– Да о чем договариваться с вами, – сказала она с тоской и отвернулась в окно.

Поезд как раз тронулся. Мочалка сидела и думала:

«Ясное дело, в дороге будут по очереди пользоваться... Сначала сам мажор, а потом остатки-сладки – для челяди».

Она даже представить себе не могла, насколько она ошибалась.

Глава 1

Джокер в валенках

До появления поезда оставалось всего три минуты, и Сашок уже начал нетерпеливо вытягивать шею, выглядывая, не появится ли из-за дуврских скал тупая морда первого вагона, когда чьи-то стальные пальцы обхватили сзади запястье его правой руки. Стало на секунду очень больно, Сашок даже негромко вскрикнул, но боль тут же отпустила, рука его оказалась свободна – только она уже не сжимала ручку черного портфеля из искусственной кожи, подаренного месяц назад тестем на день рождения.

Сашок обернулся и увидел такое, что чуть не вскрикнул во второй раз. Перед ним, ухмыляясь во весь рот, стоял человек в телогрейке и с треухом на голове, а на ногах у него были валенки! Много всяких типов перевидали на станции «Фолкстон-Сентрал», на платформах которой и косовары, и арабы, и китайцы не в диво. Но такого Фолкстон еще не видал. Человек этот был одет как клоун, как грубая пародия на русского – словно он только что сбежал со съемочной площадки очередного «Доктора Живаго» или Джеймса Бонда.

«Не может быть, у него валенки – с галошами!» – потрясенно отметил про себя Сашок. Но не успел особенно задуматься над этим, поскольку вспомнил про портфель.

А с портфелем была беда. Причем беда тоже невероятного свойства, а именно – он раздвоился. На перроне рядышком, прижавшись к другу, стояли два совершенно одинаковых, как близнецы, черных портфеля.

– Давай, выбирай, какой тебе больше нравится, чего столбом стоишь? – по-русски сказал человек в телогрейке и неприятно осклабился.

Сашок и в самом деле стоял столбом, не в силах вымолвить ни слова. Он открыл было рот, собираясь сказать: «What do you think you're doing?» Типа: «Что это вы такое себе позволяете?» Но не сказал, в последний момент ему показалось глупо говорить с этим клоуном по-английски. Единственное же русское выражение, пришедшее на ум, неожиданно оказалось нецензурным, и Сашок его подавил, поскольку никогда не ругался.

Удивительно, но, кажется, никто на платформе не обращал на происходящее ни малейшего внимания. Ни дикий наряд клоуна, ни два одинаковых портфеля у его ног не вызывали интереса у заждавшихся поезда комьютеров – служивого народа, набивающегося каждый божий день в английские поезда, дабы добраться до работы в другом городе.

– Ну не хочешь – как хочешь, тогда я сам выберу, а то у меня времени нет, не хватало еще с тобой тут в гляделки играть, – объявил человек в валенках. Быстро касаясь то одного, то другого портфеля коротким пальцем с черным ногтем, он забормотал: – Эники-беники, ели вареники, эники-беники, крэкс... – Потом остановился, сказал: «Ага!» и, решительно схватив ближайший к себе портфель, развернулся и направился вниз, против движения людского потока, к выходу со станции.

– Постойте, – с опозданием пискнул Сашок, – так нельзя все-таки! – и побежал было вслед, да где там, разве за ним угонишься, за шутом гороховым, тем более что навстречу валом валили комьютеры. А ведь чаринг-кросский 7.07 – вот он, уже стоит на первой платформе. И уже загремели, захлопали стальные двери вагонов, произведенных то ли в пятидесятые, то ли в шестидесятые, то ли вообще до войны, и вот свистит уже грозно дежурный по станции, и поезд вот-вот тронется, и если что, придется загорать в ожидании следующего состава добрых полчаса. На работу он тогда непременно опоздает, и начальник, мистер Сингх, опять будет его целый день игнорировать, лишь время от времени бросая в его сторону косые презрительные взгляды.

Короче говоря, Сашок быстро осмотрел оставшийся портфель со всех сторон, пощупал углы, («вроде мой, слава богу!») и – в последний момент – вскочил-таки в поезд под негодующие свистки и крики дежурного.

Сашок неплохо устроился – у окна, с краю на тройном сиденье. Теперь, может быть, до самого Лондона удастся доехать с относительным комфортом, поскольку англичане почему-то (вот он – национальный характер!) терпеть не могут сидеть в середине, зажатые с обеих сторон, предпочитая даже иногда стоять. И таким образом, на тройных сиденьях, в отличие от двойных, счастливики могут наслаждаться жизнью. В этом единственное преимущество так называемого «скотского» класса перед всеми остальными. Тоже, правда, относительное, поскольку, когда доходит до крайности – а до нее доходит каждый рабочий день в вечерний час пик, – усталые коммютеры набиваются в вагоны как селедки в бочку. И тут уже не до жиру, не до тонкостей английского индивидуализма: и сидят, и стоят как миленькие, на каждом квадратном сантиметре площади.

Вообще, относительно английских поездов Сашок накопил немало вопросов. Только кому их задать? Жене, Анне-Марии, еще можно при случае, да и то ее реакция бывает непредсказуемой: сожмет еще, чего доброго, губки, заподозрив в попытке «набрать очки». Так было в прошлый раз, когда он чуть-чуть съехидничал насчет чая из ревеня. Ну а уж тесть (которого Сашок должен звать почему-то по имени – Джон) и теща Мэгги (тоже никаких отчеств), так с этими лучше и вообще не связываться. Непременно начнут вздыхать, переглядываться многозначительно и изображать грустное разочарование. Причем, казалось бы, не чванливые дураки какие-нибудь, вовсе нет, способны и над собой посмеяться при случае, но вот из уст Сашка все почему-то воспринимается ими как-то странно, с каким-то подтекстом, дескать, как он может позволять себе такую бестактность? Как там по-английски «чья бы корова мычала»?

Но вопросы между тем действительно накопились. Почему, например, поезда почти всегда опаздывают? Нет, понятно было бы, если бы опаздывали иногда или даже часто, но с такой четкой регулярностью? Или какого лешего до сих пор в ходу эти двадцатидверные (по десять с каждой стороны), музейного вида вагоны?

Сашок поначалу думал: это так, для экзотики, для изумления туристов, что-то вроде черных кэбов, красных телефонных будок, почтовых ящиков и так далее. Но потом прочитал в «Ивнинг стандарте», что сами пассажиры ненавидят эти поезда, а журналисты их стыдятся. «Только в третьем мире можно найти такие, да и то надо поискать», – сокрушался автор статьи. Оттуда же Сашок почерпнул и термин «скотский класс». На самом деле, кроме всяких разновидностей второго, есть еще и класс первый. Но там вообще жуть. Сашок один раз испытал его прелести на себе, когда кондуктор разрешил всем подряд садиться куда попало – из-за того, что половина вагонов оказалась неисправной и их пришлось отцепить. В этих отвратительных купе оказалось так пыльно, душно и темно, что Сашок впал в окончательное недоумение: зачем люди платят немалые деньги, чтобы так мучиться? Две его рабочие гипотезы были такие: либо речь идет о еще одном проявлении знаменитого английского стоицизма, лишнем испытании на прочность, на так называемую «жесткую верхнюю губу», или же это лейбористы и профсоюзы и прочие левые изобрели такой способ наказания богачей.

А еще вопрос – почему многие англичане младшего, да и среднего поколения кладут ноги в грязных ботинках на сиденье напротив? Причем занимаются этим не только какие-то там хиппи, но и вполне достойного, на первый взгляд, вида люди обоих полов. Не только читатели бульварной «Сан» или газеты с голыми женщинами под странным названием «Дейли спорт», но и почтенной «Гардиан». А контролер (он же проводник, он же кондуктор, по-английски вообще будет – guard, то есть охранник, что ли?), так вот, почему этот самый гард, проверяя билеты, гад, пробивает их иногда железными клещами с такой силой,

что круглые кусочки картона разлетаются по всему вагону, и один такой кружок угодил как-то Сашку в глаз? Ну и почему, в конце концов, в туалетах... тсс, нет, про туалеты лучше не надо, все же речь идет о государстве – постоянном члене Совета Безопасности ООН.

От этих размышлений Сашка оторвало пронзительное воспоминание о недоправленной накануне статье для сборника «Инвестиции в бывшем СССР». Сашок вскочил как ужаленный и схватился за портфель. «Не дай бог я забыл ее дома, тогда все, кранты, уволит индеец беспощадный», – думал он, лихорадочно пытаюсь расстегнуть замок портфеля. Но то ли от спешки, то ли еще почему-то, но только тот не желал расстегиваться. «Заело его, что ли?» – мелькнула мысль. Такое с портфелем иногда случалось и раньше, но обычно достаточно было проявить некоторую деликатную настойчивость, потянуть, подергать осторожно, чтобы замок поддался. Нет, на этот раз заклинило капитально.

Сашок огляделся: сидевший наискосок от него дядечка был погружен в «Таймс» и не обращал на Сашка ни малейшего внимания, но вот вредная старушенция справа, на другой стороне вагона, проявляла явные признаки живой заинтересованности в происходящем. «Ну и черт с тобой, смотри, наслаждайся», – думал про себя Сашок, но на самом деле все равно краснел под ее взглядом – что она там себе вообразила?

Сашок потянул хлястик решительно вправо. Никакого результата. Дернул влево. Ничего. Нажал – уже просто изо всех сил – на круглый запор. Бесполезно! Он нажимал, дергал, тянул все яростней снова и снова, стараясь не смотреть на старуху справа и в то же время, замирая от ужаса, представляя, что вот сейчас или замок сломается, или хлястик оторвется... Как, интересно, он будет тогда оправдываться перед тестем?

«Наверно, замок как-то защелкнулся сам собою... где ключ-то у меня, черт его дерит?... С собой точно нет... кажется, в секретере у жены лежит», – проносилось в голове.

Но тут... Тут у Сашка внутри точно что-то оборвалось: он вдруг вспомнил идиотский эпизод на станции и идиотского русского клоуна... Так что, собственно, правильно все понимает старушенция: портфель в руках у Сашка чужой, потому-то он и не открывается!

«Подменил, подменил-таки, дурошлеп проклятый, доигрался со своими розыгрышами нелепыми», – думал Сашок, а тем временем и дядька напротив тоже уже оторвался от своей газеты и уставился на него в упор.

Сашок сидел теперь неподвижно, прижимая к коленям злосчастный портфель обеими руками. («Ну, да, конечно же, не мой, вот, разве была у моего здесь эта царапина? И вообще, мой был потяжелее, как это я не заметил сразу?»)

И вдруг еще одна ясная, простая и очевидная мысль обожгла Сашка – а почему непременно розыгрыш? Ведь вполне логично предположить нечто более практичное и зловещее, а? Нет, нет, все это только в кино бывает, а уж с ним, безобидным русским интеллигентом, в английской провинции проживающим, точно такого не может случиться никогда. Но если взглянуть на вещи адекватно, то ведь естественно предположить, что соотечественник на станции дурачком только прикидывался, а на самом деле хотел его, Сашка, использовать в каких-то своих корыстных целях. И, видимо, это ему вполне удалось. В каком же качестве меня используют? – беспощадно спросил себя Сашок. И так же беспощадно ответил: понятно в каком. Ку-рье-ра!

«Только спокойно, не падай в обморок, просто сиди и думай», – уговаривал себя Сашок. Итак, что же может быть там, в запертом чужом портфеле? Вариант первый, в кино наиболее популярный: наркотики. Сашок ясно представил себе маленькие пакетики с неотличимым от толченого мела белым порошком. Второй: деньги. Миллион фунтов стерлингов розовыми пятидесятифунтовыми бумажками с красивой, величественной королевой. Почему-то этот вариант показался Сашку гораздо менее страшным. И, наконец, вариант третий: совершенно секретные документы, компрометирующие кого-нибудь невероятно всемогущего, например,

одного из начальников компании РУСАЛ, или Федеральной службы безопасности, или хотя бы ЦРУ.

...В реальности, догадывался Сашок, существовало множество других вариантов, каждый из которых чреват не гламурными приключениями, а опасностью для жизни и здоровья, не говоря уже о репутации. Правда, где-то в глубине души еще теплилась надежда, что вся история окажется в итоге все же шуточкой, приколом ненормального, нестандартным приветом с родины. Но главное – надо немедленно решить, что конкретно делать дальше. Идти в полицию? Ну уж нет, сначала надо окончательно убедиться в том, что портфель подменили, иначе будешь выглядеть самым грандиозным идиотом на свете.

«Так или иначе, портфель надо открыть, – строго объявил себе Сашок, – открыть любой ценой».

Глава 2

Происшествие в женском туалете

На седьмом этаже «Сенчури билдинг», что на углу Монтроуз-роуд и Милхилл-лэйн, в кабинке женского туалета сидит несчастного вида молодой русский и громадными канцелярскими ножницами пытается вскрыть большой черный, искусственной кожи, портфель. Ножницы – малоподходящий инструмент для такой задачи, поэтому молодой человек явно нервничает, его лоб покрылся испариной, руки дрожат от натуги, а глаза лезут вон из орбит. Из-за этих нечеловеческих усилий он выглядит чуть ли не уродом, хотя в спокойном состоянии не так уж дурен: у него большие карие глаза, правильные черты лица и слегка выющиеся светлые волосы. Разве что он несколько худоват, *rather skinny*, как считает его английская жена Анна-Мария. То есть, по-русски говоря, кожа и кости. («Внешность для меня не имеет значения», – шепотом добавляет она, когда думает, что Сашок ее не слышит.)

Тот день не задался с самого утра. Мало того что он опять задержался в ванной на целых пять минут, нарушив график всей семьи, так что в итоге на станцию пришлось бежать. А на платформе к нему пристал какой-то тип с точно таким же, как у Сашка, портфелем. На этом злосчастья не кончились: ко всему прочему, поезд застрял на двадцать минут уже на самом подходе к станции «Ландон Бридж». Сашок мчался через этот самый Лондонский мост как вепрь! Отлично следил за дыханием, высчитывал движение толпы впереди, почти безошибочно выбирал просветы, в которые можно было юркнуть. Очень даже ловко выскочил один раз на проезжую часть, а потом тут же снова ввинтился в поток. Даже успел подумывать: жаль, нет чемпионатов по такому слалому, может, я занял бы призовое место.

И все равно опоздал почти на четверть часа. Прошмыгнуть к своему столу незамеченным, разумеется, не удалось, и мистер Сингх (Сашок мстит ему за все, называя про себя Синюхой) торжественно выступил ему навстречу из своей чертовой будки и, демонстративно глядя на часы, довольно злобно сказал на все рабочее помещение: «*Good morning, sir*». «Гуд морнинг, доброе утро, мистер Сингх, хау а ю, как, в общем, поживаете, ай эм соу сорри, извините меня, *the train*, поезд...» – лепетал Сашок. «Вы помните, что сегодня пятница и мы до конца дня должны сдать весь сборник? Где текстиль Молдовы?» – вопрошал свирепый начальник. «Мне осталось на полчаса работы, не больше, только правку перенести», – лепетал в ответ Сашок.

Самое обидное заключалось в том, что статья и в самом деле была почти готова. Накануне Сашок взял с собой распечатку, чтобы поработать в поезде, но потом еще возился с ней до поздней ночи дома, раздражая всю семью. И сейчас статья, разумеется, была в портфеле. Вернее, в одном из двух портфелей – либо в том, который принес с собой Сашок, либо во втором, унесенном с собой окаянными мистификатором в телогрейке.

После короткого, но весьма неприятного разговора с Синюхой Сашок уселся за свой стол, положил портфель на пол и огляделся. Оживление, вызванное его опозданием и демаршем мистера Сингха, уже прошло, и коллектив дружно уткнулся носами в компьютеры. Соседний стол – администраторши Лиз – пустовал, и на нем, да-да, на это Сашок и надеялся, красовался металлический стаканчик с мальтийским крестом, из которого соблазнительно торчали большущие канцелярские ножницы.

Сашок осмотрелся еще раз. Все коллеги вроде бы заняты были своим делом. «Ну же, решайся, хватай их скорее, пока никто не смотрит!» – подбадривал себя Сашок, но еще несколько секунд колебался, и когда наконец ухватился нерешительно за ножницы, азербайджанец Вугар как раз оторвался от своего монитора и повернулся к Сашку, намереваясь что-то сказать. Вслед за ним как по команде уставились на него и чех Володимир, и русский

кореец Ли. И даже обычно не слишком любопытная болгарка Цвета. Сашок так и застыл – в неестественной позе, с вытянутой правой рукой и с дурацкой улыбкой на лице.

Вот так всю жизнь ему не везет. В школе пару раз пытался списывать – так оба раза попался. В институте уже и не пробовал, а только с завистью поглядывал на товарищей и товаров, весело и энергично, без всяких комплексов и проблем применявших этот эффективный способ повышения успеваемости. Деньги тоже – терял много раз, а вот находить – никогда. Нет, неправда, один раз, в Союзе еще, в Москве на Сретенке нашел десятку на тротуаре, так что вы думаете, его сразу догнал какой-то забулдыга и, больно схватив за плечо, заорал: «Это моя, это я уронил». Не дав Сашку опомниться, мужик выхватил купюру у него из рук и деловито направился в сторону винного. Чем-то, кстати, тот дяденька неуловимо был похож на сегодняшнего клоуна в валенках – не родственники ли? Воспоминание подтолкнуло Сашка к действию. Как там Гаврилов учил, что надо делать, когда попался? «Ходи с шестерки, как с туза!» Легко сказать...

Сашок соорудил коллегам страшную рожу, схватил ножницы и, чуть не свалив по дороге стул, направился в туалет. Но для того, чтобы туда попасть, надо было пройти мимо будки мистера Сингха, и тот, разумеется, закончил ровно в тот момент свой телефонный разговор и уставился на Сашку во все глаза. Сашок улыбнулся ему и пошел дальше – с ножницами и портфелем. Как будто так и надо.

Ну и черт с ним, думал Сашок, победителей не судят, если я сейчас быстро открою замок, найду распечатку, потом поднажму, быстренько перенесу всю правку, сдам статью, то все будет полный олл райт, а хождение в уборную с портфелем и ножницами скоро забудется, как мелкое чудачество. С другой стороны, если статьи не будет...

Нет, невезенье невезеньем, но это уже чересчур. Сашок даже не упомнит, было ли на его памяти такое, чтобы сразу обе кабинки в туалете были заняты. Но вот, пожалуйста, он дергает, дергает за ручки, а двери не поддаются. Может, поднажать? Конфуза не хотелось бы. Сорвешь еще, чего доброго, задвижку, и... Впрочем, странно, из кабинок не доносится ни звука, испугались, что ли, затаились?

И в этот момент в туалет вошел русский кореец Ли. Оглядев Сашку (ножницы по-прежнему в одной руке, портфель в другой), он направился к писсуару. Обе кабинки, кстати, закрыты на ремонт, меланхолично заметил он, не оборачиваясь.

– Но что же мне делать? – спросил Сашок, и его голос прозвучал, видимо, так трагично, что Ли не выдержал, обернулся. И сказал сочувственно:

– Ты вот опоздал, а мистер Сингх делал с самого утра объявление – сказал, что если кого-нибудь прижмет, то можно пользоваться женским.

– Может, он пошутил?

– Какие тут шутки... Давай, давай, не бойся, дело житейское...

Вот так и оказался Сашок в женском туалете. «Черт с ним, с тестем, – думал он, скрипя зубами, – хоть разорву на части этот фигов портфель, но открою». Но он тут же представил себе, как рассказывает тестю всю историю, как тот недоверчиво кривит свой тонкий рот, а теща на протяжении всего разговора, не мигая, смотрит в дальний угол.

«Они примут меня за идиота и будут правы, тысячу раз правы», – ворчал себе под нос Сашок и все сильнее, все яростнее терзал ножницами проклятый замок. И тут – когда Сашок совсем было отчаялся – замок вдруг затрещал, начал поддаваться и наконец оторвался с корнем.

Первой из портфеля вывалилась толстая книга в истрепанном бумажном переплете. Сашок перехватил ее, не дав упасть на пол. Вслед за ней появились довольно новая женская кроссовка на левую ногу. Но Сашок в оцепенении смотрел на книгу. Она называлась... Ну, в общем, в названии были две строчки. Первая выглядела так: «Diccionario Ecologico Luso-Japones». Вторая состояла из иероглифов. Насколько он мог судить, это был словарь эко-

логических терминов. Для владеющих неведомым Сашку языком Лусо и интересующихся японским. Или наоборот. Ладно, сказал себе Сашок, спокойно, главное – держи себя в руках. И думай логически. Итак, насколько вероятно, чтобы он мог по ошибке прихватить с собой книгу, принадлежащую кому-то из родичей? Вполне вероятно, мало того, нечто подобное уже с ним случалось. Например, однажды он уволок с собой на работу тещин статистический отчет за февраль месяц. И до сих пор не представляет, как, собственно, это могло произойти. Далее. Ключевое слово – экология! В семье все подвинуты на окружающей среде, на всех этих биомах, биоценозах и экосистемах и уже несколько раз таскали его на всякие собрания и семинары по этому делу, причем, если бы Сашок не сопротивлялся, не уклонялся под всевозможными предлогами, это происходило бы гораздо чаще. Но, с другой стороны, насколько ему известно, с японским и этим, как его – Лусо – в семье не очень, в смысле: ни бум-бум. И при чем здесь кроссовка?

Сашок запустил руку поглубже в портфель и извлек лупу с черной пластмассовой ручкой, видимо, когда-то отломавшейся и теперь подклеенной скотчем. Вслед за ней появились: коробка из-под CD (пустая) под названием «Песни старой Тувы», два прошлогодних номера газеты «Аргументы и факты – Здоровье» и один – сильно пожелтевший – «Морнинг стар». Затем он нащупал в портфельных глубинах нечто круглое, оказавшееся большим, давно, видно, остановившимся, слегка уже ржавым будильником. Сашок долго оторопело смотрел на него, потом отложил в сторону...

Снова запустил пальцы в портфель и не смог понять, что нащупал. Бумажки какие-то плотные или картонки... Оказалось, игральные карты – почему-то одной только черной масти: пики и трефы. И больше в портфеле ничего не было! Никакой статьи и никаких газет и журналов. Не наблюдалось ни книжки Романа Гари «Обещание на рассвете», ни китайского калькулятора, ни блокнота, ни любимого филофакса. Ну не мог же, в самом деле, Сашок, при всей своей рассеянности, забыть дома свои вещи и машинально набрать всей этой дряни!

То, о чем Сашок давно уже догадывался, теперь не могло вызывать никаких сомнений: портфель, конечно же, был чужой.

Только не паникуй, уговаривал себя Сашок. Думай. Какие надо сделать выводы? Первое. Молдавскую статью придется делать заново. Проявить чудеса концентрации, работоспособности и вдохновения, но успеть сдать ее вовремя. Потому как глупо надеяться на то, что в ближайшие минуты или часы появится, как чертик из коробочки, хрыч в телогрейке и скажет: «Ну что, здорово я тебя разыграл?» И при этом вернет правильный портфель вместе со статьей. Хотя и исключить этого тоже нельзя. Потому что очевидно уже, что подмена портфеля – розыгрыш, хотя и странный, может быть, даже безумный. По крайней мере, можно утешаться тем, что Сашку не подсунили ни взрывчатки, ни наркотиков, ни фальшивых денег. В общем, заключил Сашок, могло быть и хуже.

Тем временем он услышал, что в туалет кто-то вошел. Сашок застыл на своем жестком сиденье, крепко сжимая в одной руке ножницы, а в другой – будильник, боясь выдать свое присутствие. Вошедшая (или вошедший?) зашла-зашел в соседнюю кабинку, и Сашок, зажмурившись, выслушал все полагавшиеся в сложившихся обстоятельствах звуки. Потом кто-то долго мыл руки, потом сушил их. А потом голос Цветы неожиданно сказал: «Sasha? Are you there? Are you all right?» То есть: «Ты здесь, Саша? Все ли с тобой в порядке?»

От неожиданности Сашок уронил будильник, и тот – громогласно, оглушительно и торжествующе – зазвонил на весь туалет, на весь этаж, да что там этаж – по всему огромному «Сенчури билдинг» разносился этот трубный глас. Или так, по крайней мере, казалось несчастному Сашку, который лихорадочно нажимал на все кнопки и рычажки, торчавшие из древнего механизма. Но не тут-то было: будильник отказывался замолчать, звонил и звонил, трясясь в его руках, как какое-то очень сердитое живое существо.

А к туалету уже со всех сторон сбегались люди...

Глава 3

Один и без оружия!

Все-таки непредсказуемые люди эти англичане. Сашок был уверен, что первый вопрос родственников после тягостного молчания будет: «И как же тебя в итоге извлекали из женского-то туалета?» или что-нибудь в таком же духе. Ехидное что-нибудь. Причем рассказывать было нечего, никак его, собственно, не извлекали; он вышел из кабинки сам, но с разорванным портфелем, огромными ножницами и старым ржавым будильником в руках. Причем проклятый механизм, сначала не подававший ни малейших признаков жизни, как раз перед этим упал на каменный пол, от сотрясения ожил и принялся невероятно громко трезвонить, переполошив весь «Сенчури билдинг».

Но говорить обо всем этом не было особого желания. Не хотелось вспоминать, честно говоря, как смотрели на него коллеги, особенно начальник – мистер Сингх. Когда он, Сашок, скрылся в кабинке женского туалета (а что было делать, когда мужской поставили на ремонт?), причем с портфелем и ножницами в руках, товарищи по работе все это прекрасно заметили и, можно не сомневаться, тут же принялись горячо обсуждать, дескать, не поехала ли крыша у нашего русского коллеги? А тут этот звонок, крики какие-то... Переполошились неизвестно почему... А что особенного, ну вышел из женского сортира, ну портфель разорвал, ну будильник зазвонил... С кем не бывает?

Всю дорогу домой Сашок репетировал, как он небрежно и уверенно расскажет домочадцам всю эту историю. Надо, думал он, сразу задать такой тон, чтобы неповадно было над ним смеяться. Никаких там ироний, английских тонкостей, когда вроде бы всерьез, но со скрытым в подтексте подтруниванием. Ну, например, Джон вполне мог бы сказать, причем сохраняя самую серьезную мину: «А будильник, будильник-то долго еще потом звонил?» (Кстати, всего-то две минуты шестнадцать секунд.) Вот хорошо бы без всех этих англосаксонских штук.

Но обошлось без штук. Или уж они были такими тонкими, что Сашок их не просек. А что непонятно, то и не обидно. Вообще Сашок сразу избрал правильную тактику: придя с работы, не стал пытаться проскользнуть незамеченным, а – как в омут с головой – шагнул прямо в гостиную, как был, с разорванным портфелем в руках. Невозмутимо вытерпел все полагающиеся возгласы: «What's wrong?», «What's happened?», «Have they beaten you up?», «We did warn you, there are pick-pockets at London Bridge!», «Or was it one of those ghastly sea-gulls?» То есть: «Что случилось?», «Тебя что, побили»? «Мы же тебя предупреждали: на «Ландон Бридж» орудуют карманники!», «Это что, одна из этих гадких чаек на тебя напала?».

Причем в голосах домочадцев, надо отдать им должное, звучало вполне правдоподобное участие к судьбе его, Сашка, и чуть менее натуральное равнодушие к материальной судьбе портфеля. И никакого недоверия к его рассказу внешне, по крайней мере, выказано не было. А ведь Сашок и сам-то себе почти не верил, когда рассказывал, как по дороге на работу его разыграл (теперь-то понятно, что разыграл, а поначалу вообще всякие ужасы приходили в голову) какой-то хмырь, который подsunул ему точную копию его, Сашкового, портфеля, морочил голову детской считалкой, а потом сбежал. Сашок сначала вообще не врубился, думал, у портфеля просто замок заклинило. И ему надо было срочно его открыть, чтобы разобраться...

– Извините, Джон, клянусь, просто другого выхода не было, пришлось вырвать замок с корнем. Ведь эта статья – про молдавский текстиль, сегодня же был последний день, если

она не была бы сдана вовремя, это была бы просто катастрофа... мистер Сингх даже мог меня уволить, с него станется, – бормотал Сашок.

Он поначалу старался не особо смотреть на родственников, боясь, что, разглядев недоверие в их глазах, непременно сообразит, покраснеет и будет выглядеть еще большим дураком. Но вот монолог закончен, и что же? Сашок осторожно поднимает глаза и видит очень серьезное лицо тестя, расстроенное лицо тещи и взволнованное, с расширенными глазами – Анны-Марии. Но противных вопросов, с подковыркой, почему-то нет. Ничего не скажешь, умеют англичане лицемерить! Наконец Джон откашливается и...

– Но статью, статью про текстиль Молдовы, ее ты успел сдать?

О, какой гениальный вопрос! И на него есть замечательный ответ.

– Конечно, – говорит Сашок громко, гордо и ясно, – конечно, я не обедал, не отвлекался, вкалывал, как галерный раб, но все, все успел сделать по новой!

Эх, если бы он продемонстрировал такую вот дикцию, такой решительный, выразительный голос во время тестирования в прошлом году на Русской службе Би-би-си, не было бы у него сейчас забот, а была бы твердая зарплата, страховка и гарантированная пенсия. И никакого мистера Сингха по кличке Синюха, пришло вдруг в голову Сашку. Но лучше поздно, чем никогда: пора уже обретать уверенность в себе. Ведь действительно есть чем гордиться: с такой ситуацией справиться, это же дорогого стоит!

– О, это очень важно, очень! – воскликнула теща Мэгги.

– Да-да, это самое главное! Ты молодец, Саша! – замурлыкали тесть с женой, йасагеры чертовы... То есть, в переводе с немецкого, те, кто всегда говорит «да», поддакивает, иначе говоря. А они оба всегда Мэгги поддакивают... И Сашок решил добавить ложку дегтя:

– Но сборник все равно вовремя не сдали, хотя не по моей вине, а из-за корейца одного.

– Это совсем другое дело, совсем другое, – почти хором воскликнули английские родичи.

«Все-таки не такие они у меня скверные», – растроганно подумал Сашок. Но тут же резко одернул себя: нечего сентиментальничать! Вспомни, как они разделили тебя, когда ты оплошал с дауном... Ну некорректно, согласен, но разве анекдот был не смешной? И не со зла ведь он, он этим самым даунам вполне готов сочувствовать, но что же теперь, чувство юмора отменить, что ли?

По ассоциации с проблемой умственной отсталости Сашок вспомнил про шута в телогрейке.

– Лучше посмотрите, чего этот недоразвитый шутник наложил в портфель, – предложил Сашок. И вывалил содержимое на журнальный столик. Изумленные родственники Сашка увидели следующее:

толстую книгу «Diccionario Luso-Japones»;

лупу с обмотанной скотчем черной ручкой;

несколько русских газет, в основном «Аргументы и Факты – Здоровье»;

пожелтевший номер британской газеты «Морнинг стар» от 12 января 1979 года;

моток засаленной веревки;

набор карт черной масти (то есть пик и трэф);

клочки рваной бумаги;

большой ржавый будильник.

Родственники сгруппировались вокруг столика и по очереди с большим интересом рассматривали каждый предмет.

– Ну вот, как вам это нравится? Шутка на уровне детского сада, – сказал Сашок.

– А вдруг, – предположила Анна-Мария, – в этом есть какой-то скрытый смысл?

– Да-да, – поддержала ее Мэгги, – например, почему здесь только карты черной масти?

В этом, по-моему, есть какая-то символика... Я что-то такое читала, ты не помнишь, доро-

гой? Что-то очень мрачное. И потом... «Морнинг стар» – это же коммунистическая газета, не так ли? И, смотрите, номер от 79 года, это ведь когда Горбачев появился в Политбюро, не так ли? Здесь явно какой-то намек...

И Мэгги выразительно посмотрела на Анну-Марию.

А Сашок был поражен другим. «Как это она такие вещи помнит? – думал он. – Я, например, никаких дат из биографии политиков не помню».

Но все, разумеется, поняли, что Мэгги имеет в виду обстоятельства знакомства Сашка с женой. Они встретились в августе 91-го, на баррикадах вокруг Белого дома в Москве. Правда, Сашка занесло туда совершенно случайно, он-то, честно признаться, был чужд всякой политике, но вот Анна-Мария в то время пылала романтикой освобождения России. Потом она, правда, быстро разочаровалась в русском капитализме, но успела от полноты чувств женить на себе Сашка и увезти его с собой. Но вот теперь он счел все же возможным возразить теще. При чем тут коммунисты? При чем Горбачев?

– Нет, не думаю, – сказал он, – мы сейчас совершенно далеки от всего этого.

Сказал и тут же пожалел об этом. Лицо тестя вдруг явственно вытянулось.

– Боюсь, что я должен вас покинуть, мне нужно еще кое-какие бумаги посмотреть перед сном, – забормотал он, поднимаясь с места.

Ну вот, нате вам! Опять что-то Сашок сделал не так или сказал не то. Но что – он, черт возьми, не понимает. Наверно, в очередной раз неловко что-то сформулировал, каких-то нюансов фиговых не уловил... И так всегда. Вроде бы они кажутся вменяемыми людьми, можно с ними вести осмысленный разговор, потом вдруг как будто что-то «щелк!», и линия коммуникаций нарушается. И обидно, гадаешь потом, какое такое очередное табу нарушил, в чем проявил недостаточное понимание условностей и неписаных правил. Причем Анна-Мария тоже не всегда приходит на помощь, иногда намекнет, в чем, собственно, была допущена ошибка, но чаще сожмет свои и без того довольно узкие губки и переведет разговор на другую тему.

Мэгги покорно двинулась вслед за мужем, хотя на этот раз, как показалось Сашку, ей уходить не хотелось.

И – уже у самой двери – она все-таки обернулась!

– Посмотрите, нет ли там дамы пик? И – еще... кто скажет мне, что это за язык – Luso?

На последний вопрос ни Сашок, ни Анна-Мария ответа дать не смогли, а вот даму пик среди карт быстро разыскали.

Оставшись наедине с женой, Сашок почувствовал облегчение. Анна-Мария тоже слегка повеселела, и они принялись не очень-то всерьез гадать, что мог бы означать тот или иной предмет. Например, не надо ли искать зашифрованное послание в либретто оперы Чайковского? А веревка – нет ли здесь угрозы физической расправы? И рваная бумага – это что за символ? Ну, в будильнике вполне может быть скрыт намек на быстротечность времени («У нас это называется «поставить на счетчик», – вставил Сашок).

Все это говорилось, разумеется, в полушутливом тоне, дескать, не можем же мы предполагать чего-то подобного всерьез... Но Сашок достаточно долго жил в английской семье, чтобы понимать: тон сам по себе ничего не значит или даже может значить обратное, короче, служит прикрытием всяких английских комплексов. И сам с удовольствием подыгрывал жене: дескать, и я не лыком шит.

Но вот Анна-Мария произнесла слово, которое и у него самого вертелось на языке – полиция.

– Почему бы не обратиться к профессионалам, вместо того чтобы гадать? – сказала она.

Но тут же сама принялась уже без тени иронии пересказывать истории из британской прессы о перегруженности полиции делами об убийствах, серьезных телесных повреждениях и проявлениях расизма.

– Разве ты не слыхал, они теперь даже на ограбления неохотно выезжают... Про обычные кражи я и не говорю. Помнишь, что было, когда у меня в прошлом году на Стрэнде сумку свистнули? Никто ничего не хотел делать вообще! И только представь себе, каким идиотом ты будешь выглядеть... Вообрази, как будет протекать допрос. «Вам подменили портфель? Ах вот как! Говорите, подсунули карты и будильник? Как интересно! И по какой же статье прикажете это квалифицировать? Преступление против личности или собственности?»

– Ладно, – сказал Сашок, – сдаюсь. Но что-то же надо делать!

И тут-то дверь приоткрылась и в комнату просунулась голова уже переодетой в халат Мэгги.

– Я зашла пожелать вам спокойной ночи... Кстати, знаете, что бы я сделала на вашем месте? Дала бы объявление в газету!

Потом укоризненно, как Сашку показалось, посмотрела на него и удалилась восвояси.

Собственно, Сашок прекрасно понимал, в чем главная причина скрытой напряженности в семействе. Он же видел, что среди знакомых почти не найдешь другой пары, которая бы так долго жила вместе с родителями. В Британии это просто не принято. Все или снимают, или уже купили свое жилье, взяв под него ипотечный кредит, именуемый здесь моргейджем. И это, конечно, правильная система жизни, но что же делать, если они с Аней-Маней сидят на такой мели? Она получает на своей «социальной работе» сущие гроши, а он вообще все никак не найдет ничего постоянного и приличного.

– Может, дадим объявление в «Гардиан»? – донесся откуда-то издалека голос Анны-Марии.

– Ну почему же именно в «Гардиан»? Почему не в «Таймс» или не в «Сан», в конце концов?

И тут жена огорчилась. Что же с того, что человек был небогато одет? Почему сразу надо предполагать, что он полуграмотен или что он читает только правую или даже бульварную прессу? И вообще, она уже и раньше замечала, что в России много социального снобизма. Такие выводы, только из-за того, что человек был одет не комифо...

– Да ты не понимаешь, как он был одет! Ты знаешь, что такое телогрейка? А валенки? С галошами? А шапка-ушанка на голове?

– Ну и что такого? Почему это человек не может быть одет в свою национальную одежду? Почему арабам можно ходить во всяких там диздахах, индианкам – в сари, африканцам – в своих разноцветных балахонах, как там они называются, а русскому человеку нельзя даже надеть телогрейку или ушанку с галошами?

– И ты считаешь, что телогрейка – это наша национальная одежда? – взвыл Сашок, но потом только рукой махнул – разве объяснишь что-нибудь этим англичанам?

Жить с ними Сашку, прямо скажем, было нелегко. Но, с другой стороны, и на своей исторической родине, в городе Москве, ему тоже ничего особенно не светило. И в былые-то времена ему там было не слишком вольготно и сытно. Ну а теперь прибывающие из России рассказывали такие ужасы и страсти про жизнь «по понятиям», что Сашка, с его гнилым интеллигентским характером, от одной мысли о возвращении на родину оторопь брала. Да и к Ане-Маше, при всех ее странностях, он все же сильно привязался. Если бы только отсоединиться как-нибудь от ее родителей... А то в их присутствии она делается какой-то чужой, какой-то... слишком англичанкой, вот!

В чем, правда, состоит «английскость», Сашок вряд ли взялся бы сформулировать. Когда в редкие приезды на родину его прямо спрашивали об этом друзья, он говорил: «Понимаете, моя жена, Аня-Маня, пишет изумительные стихи и песни. Но если я застаю ее за сочинительством, она норовит притвориться, что она пишет письмо в местный совет... Потому что вроде как стыдно выделяться или претендовать на что-то особенное. Похвастаться совершенно ничем нельзя, ну кроме разве что успехов в садоводстве или разведении каких-нибудь

экзотических растений... а нормальному человеку ведь похвалиться чем-то – ну хотя бы перед близкими родственниками – иногда так хочется... Ну и, конечно, знаменитое английское лицемерие – это в общем-то и не лицемерие даже, а какой-то свод неписаных и очень сложных правил...»

Почему надо улыбаться, когда на душе скверно, и сидеть с постной рожей, когда радуешься, Сашок понять не мог. Не понимал, но научился это великое английское свойство уважать. Потому как это очень даже непросто, добиться такого контроля над собой. Нечто сродни самообладанию йогов и самураев. Называется «правило жесткой верхней губы». У обычных людей от сильных эмоций губа эта начинает подрагивать. У английского джентльмена эта часть лица должна быть абсолютно неподвижной в любых ситуациях. В любых! Никаких исключений. Какая бы физическая или душевная боль тебя ни терзала, какие бы страсти темные или светлые ни бушевали бы внутри, наружу ничего не должно выплескиваться. Даже страха смерти показать никак нельзя. Особенно страха. Никаких нет обстоятельств, разрешающих верхней губе утратить каменную неподвижность. Такое вот лицемерие. Лице-действие. Вернее, лице-недействие.

Непоколебимость английских губ демонстрируется сколько угодно в повседневной жизни, напрягая и порой утомляя свидетелей-иностранцев. Но самые знаменитые эпизоды были связаны с войнами. Например, жесткая губа демонстрировалась во время Крымской войны, осенью 1854 года, изумленным Федюхинским горам и русским артиллерийским расчетам в Южной долине Балаклавы. Бригада легкой кавалерии, почти семьсот человек, в их числе всякие лорды и бароны, представители самых знатных семей страны, скакала прямо на русские пушки, зная, что атака бессмысленна и скачут они на верную погибель. Раз приказ, хоть и нелепый, отдан, его надо выполнять. Нельзя же, в самом деле, ставить командование в глупое положение? Не по-джентльменски это! И самое главное, конечно, – вида не подать, гордо и прямо держаться в седле – с невероятно твердой верхней губой. Ну на смерть скачем, что же особенного? Не повод распускаться и что-то такое на лице показывать.

А сто лет спустя Первый батальон Глостерского полка почти весь был истреблен китайцами во время Корейской войны. Еще бы – китайцев-то было раз в двадцать больше. Целая дивизия – против одного батальона! Британцев оставили отбивать атаки этих многократно превосходящих сил противника в совершенно безнадежной позиции на реке Имджин. Но для британцев важнее всего было – вида не подать. Не распуститься, не впасть в истерику. Полное хладнокровие продемонстрировать. Поэтому когда американский генерал позвонил командиру глостерцев по полковому телефону и спросил, как дела, тот отвечал совершенно спокойным, чуть ли не равнодушным тоном, что положение «довольно липкое» – «pretty sticky». «Липко» на тогдашнем английском жаргоне значило: неприятно, тяжело. Ну а что же американец хотел? Чтобы английский джентльмен позволил себе эмоциональный всплеск? Чтобы голос у него дрогнул? Слова употребил резкие? Типа: катастрофа у нас тут, полный конец приходит, еще немного, и не с кем тут будет по телефону разговаривать? Ну уж нет, это просто неприлично!

А американец – человек вульгарно прямолинейный, английских недосказанностей не понимающий, удивился, но решил: ну, значит, ничего страшного. Преувеличивает, выходит, разведка, сообщающая о массовой китайской атаке на британские редуты. Подумаешь, некоторая «липкость». Британцы дрались героически и сумели отбить несколько первых волн. Но потом некому стало отбиваться: из шестисот пятидесяти человек шестьсот двадцать два были убиты или тяжело ранены и взяты в плен. Подкреплений, которых их командиры вежливо, как бы между прочим, просили, так и не дождались.

Сашок не знал, что и думать про все это. Ему казалось, что его английские собеседники как-то странновато эти истории рассказывают. С одной стороны, слышится некая ирония: дескать, ну да, глупо как-то так погибать. Такие мы странные люди. Не слишком рациональ-

ные. Но тут же и элемент гордости и восхищения проскальзывает: вот какая жесткая верхняя губа была у тех наших джентльменов! Погибая, не унизились.

Довольно долго Сашок и Анна-Мария сидели молча, не глядя друг на друга, и Сашок уже собирался встать и отправиться спать, когда жена вдруг сказала примирительно:

– Знаешь что? Дай объявление в русскую газету. В «Лондон-инфо»! Или в «Пульс-ЮКей», или в «Англию»!

Анна-Мария считала страшно важным, чтобы Сашок получал информацию о жизни русской общины в Лондоне, и потому регулярно покупала ему одну из этих двух еженедельных газет (а то и обе сразу), сэкономив на чем-то полтора фунта (Сашок подозревал, что на обеде, хотя она в этом не признавалась).

Если бы Анна-Мария была русской девушкой, Сашок непременно поцеловал бы ее в этот момент. Мало того, будучи русской, она бы этому поцелую обрадовалась и, может быть, даже поцеловала его в ответ. Но с англичанкой это было немыслимо.

А потому Сашок решил показать, как здорово осваивает он местные манеры, и сказал ледяным голосом: «Do you really think so?» То есть буквально: «Ты и в самом деле так думаешь?» А в действительности, в переводе с диалекта намеков и недосказанностей: «Ты уверена, что не сморозила глупость?»

Будучи англичанкой, Анна-Мария все поняла правильно. И бровью не повела, уверенно закивала головой. То есть йес, именно это я и утверждаю. «Well...» – сухо согласился Сашок. И следующие полчаса они провели, пытаясь сформулировать текст объявления.

Для этого они решили сначала изучить имеющиеся образцы.

«Философский камень, оптом и в розницу»; «Русская. Жду звонка»; «Хочу познакомиться с ветераном Великой отечественной войны». Смешно, но не то, что требуется... Анна-Мария пришла в восторг от другого объявления: «Кому надоело травиться выхлопными газами зла и морально ржать, просим позвонить по телефону...»

– А вот это ближе к делу, – переводил Сашок: – «Большая просьба позвонить тех, кто пытался воспользоваться услугами получения британских прав от Романа и Владимира». А вот еще: «Антон Милашевский, объявись, не доводи до греха».

Сашок сразу представил себе, как кредиторы проштрафившегося Антона, перекрестившись, преодолевая моральную муку, доходят-таки до греха.

– В смысле? – не поняла Анна-Мария.

– В смысле, киллеров ищут, – хладнокровно объяснил Сашок.

– You are kidding! – Ты шутишь! – воскликнула жена.

– No, I am not! – Я не шучу, – отвечал Сашок, – но эти люди, будем надеяться, все-таки шутят.

Но Сашку вариант с киллерами и вообще угрозами не подошел. Значит, надо звать к совести. И вот что он написал: «Соотечественник, поменявшийся со мной портфелем на прошлой неделе на станции «Фолкстон-Сентрал»! Если это была шутка, то она оценена. Предлагаю срочно меняться обратно. Звоните по телефону...»

– Ну, порванный портфель он не возьмет, напиши: поменяемся содержимым портфелей, – предложила Анна-Мария.

– Ничего, там разберемся... только бы позвонил.

– Надежды на это мало, – вздохнула Анна-Мария.

Но он позвонил – в субботу, сразу после выхода очередного номера «Лондон-инфо». И надо же было так случиться, что именно Сашок, случайно проходивший в этот момент мимо аппарата, взял трубку. И, кажется, сразу узнал этот надтреснутый, нагло-хриплый голос. Ни «здравствуйте», ни «до свидания», на даже «алло». А сразу:

– Слышь, нет проблем, давай, блин, назад махнемся. А то мне без будилы стремно.

– Давайте встретимся на станции, на «Фолкстон-Сентрал», – радостно предложил Сашок.

– Дурных нема. Стрелка у нас будет на «Нью-Кроссе», знаешь такой вокзал? Вот там, завтра, в семь пятнадцать вечера. И чтоб один был. И без оружия!

– Да я не... – начал было говорить Сашок, но его резко оборвали.

– Не доводи до греха! – строго сказал голос в трубке. И тут же раздались короткие гудки.

Глава 4

Зловещая встреча на платформе

«Нью-Кросс» – это, разумеется, никакой не вокзал, а так, пригородная станция местного значения. Даже не до конца понятно, зачем она создана, учитывая, что в каком-то полукилометре за ней расположился более солидный и ассоциирующийся со знаменитым госпиталем «Сент-Джонс». Самая главная достопримечательность района – стадион «Миллуолл», где господствуют, как говорят, самые свирепые болельщики во всей Британии, а может, и во всем мире. Но туда ближе добираться от Лондона по другой ветке, через станцию «Южное Бермондси».

В час пик на «Нью-Кроссе» бывает негде яблоку упасть, но, проторчав на перроне полчаса и устояв перед приливами и отливами служивых толп, Сашок пришел к убеждению, что клоун на свидание не явился. Правда, Сашок не очень-то твердо запомнил его внешность. Ему даже вдруг пришла в голову мысль: а не для того ли и были напаялены эти странные причиндалы – телогрейка, валенки с галошами и шапка-ушанка? Ведь эти детали отвлекают от черт лица и прочего. Только и запоминается вся эта эксцентрика... Узнает ли Сашок шутника в любой другой одежде? Не факт. Лицо какое-то незапоминающееся и даже почему-то путающееся с физиономией одного типа, который когда-то давно, еще в московской жизни, на Сретенке, грубо отобрал у Сашка найденную на улице десятку. Нет, если этот тип придурочный вздумает явиться перед ним в ином обличье, без телогрейки, Сашок может его и не узнать.

И еще одна мысль мучила Сашка: обстоятельства вынудили его с корнем вырвать запертый замок чужого портфеля. Починить его явно было невозможно, и Сашок, посоветовавшись с женой Анной-Марией, решил даже и не брать портфель с собой на встречу. Ведь бог его знает, как этот, судя по всему, не совсем нормальный и приклатненный тип среагирует на жалкий вид своего имущества. Бог с ним, пусть оставляет себе тестев подарок, хотя это и совершенно несправедливо. Лишь бы отдал содержимое, в том числе остро необходимую телефонную записную книжку и его, Сашка, частный и не предназначенный для чужих глаз дневник. И пусть заберет всю свою идиотскую хурду-мурду, включая старый ржавый будильник, имеющий обыкновение оглушительно звонить в самые неподходящие моменты, женскую кроссовку с левой ноги и газету британских коммунистов «Морнинг стар» от 12 января 1979 года. Не говоря уже о картах черной масти и загадочном словаре под названием «Diccionario Ecologico Luso-Japones».

Всю эту хренотень Сашок аккуратнейшим образом сложил в пакет «Moscow Duty Free», который и сжимал теперь крепко в левой руке, высматривая своего человека в телогрейке. Как бы то ни было, а Сашок торчал вот уже более получаса на вшивой пригородной станции под Лондоном, на которой фолкстонский и другие поезда дальнего следования никогда и не останавливаются даже, и постепенно укреплялся в мысли, что его – как это говорят теперь в России? – кинули, вот что.

Но все-таки «Нью-Кросс» – станция бестолковая. Куда удобнее было бы встретиться на том же самом «Южном Бермондси». Хотя, с другой стороны, там надо было бы подгадывать так, чтобы не угодить под начало или конец футбольного матча. Сашок тут же по ассоциации вспомнил о другой своей странной встрече.

Сашок и Анна-Мария в то время жили в Бермондси у ее тетушки, жили недолго, всего несколько месяцев, но Сашок успел вдоволь наездиться через эту станцию на работу. И, случалось, попадал в неприятные ситуации, когда огромные толпы краснолицых орущих людей втискивались там в вагон.

Сашок быстро выучился различать, выиграл или проиграл «Миллуолл», и догадался, что в последнем случае лучше вжаться поглубже в какой-нибудь дальний уголок вагона и постараться не встречаться с краснолицыми взглядом – а то всякое может случиться. Не раз Сашок видел закипавшие в вагоне водовороты, иногда заканчивавшиеся драками. Газеты писали о настоящих побоищах среди футбольных фанатов, и имя «Миллуолл» встречалось в этих боевых сводках достаточно часто. Вскоре у Сашки выработалась почти рефлекторная привычка оглядываться на стадион на подходе или подъезде к станции – ждать ли опасного человеческого потока. И если что, не стоит ли лучше переждать, пока поток схлынет. Но однажды какие-то дела гнали его вечером в центральный Лондон, и он как раз разглядел на платформе изрядную толпу вроде бы расстроенных и, кажется, сердитых джентльменов, все сплошь с пивными животами и с какими-то не то древками, не то копьями в руках. Джентльмены размахивали этими предметами во все стороны и что-то недружелюбно при этом выкрикивали. На горизонте появился поезд. Сашок мог бы, конечно, вспомнить молодость, свои институтские занятия легкой атлетикой, отчаянные спурты на четырехсотметровке, и рвануть – с реальными шансами на то, чтобы успеть. С другой стороны, подумал он, зачем обязательно бежать, когда можно пройтись по свежему воздуху, не торопясь, с достоинством, как и подобает солидному представителю среднего класса. Ну и что с того, что следующего поезда придется ждать полчаса – опять же свежий воздух, и в вагоне позже будет просторнее.

Когда Сашок достиг станции, то обнаружил на своей стороне почти пустую платформу. Почти – потому что один человек там все-таки находился. Он, правда, не совсем стоял, но и не совсем сидел, зафиксировавшись в какой-то невозможной позе, вызывающей смутные ассоциации с роденовским «Мыслителем», если можно, конечно, представить себе мыслителя очень пьяным и ведущим обреченную борьбу с силой тяготения. Подойдя, с некоторой опаской, поближе, Сашок с изумлением обнаружил, что человек плачет! Одной рукой тот размазывал слезы по лицу, а в другой сжимал большущую банку с пивом – такую огромную, что ее, собственно, хотелось назвать бочонком. Впрочем, и сам печальный мыслитель был немал по размерам, под два метра ростом и, что называется, косая сажень в плечах, но и не только в них, а и в районе живота, видимо, тоже.

Этим мощным животом он опирался на что-то вроде сломанного пополам копья, что, вероятно, и позволяло ему сохранять свою фантастическую позу. Копье, впрочем, при ближайшем рассмотрении оказалось древком от какого-то то ли транспаранта, то ли плаката. Вопреки здравому смыслу и инстинкту самосохранения, Сашок подошел к великану на опасное расстояние и с удивлением услышал свой собственный голос, произносящий: «Are you all right?»

Какая глупость! Ежу было понятно, что джентльмен не был олл райт. Он поднял на Сашку красные заплаканные глазищи, уставился на него в упор и смотрел довольно долго, мучительно пытаясь понять, что это такое он видит перед собой, но потом не стал бить Сашку древком и даже не выругался, а только громко замычал и показал на стадион банкой.

«Немой, что ли?» – подумал Сашок, но на всякий случай переспросил: «Are you sure, you are ok?», в том смысле, что, может, человеку плохо и не надо ли, в случае чего, вызвать «Скорую помощь». В ответ мыслитель замычал громче и протянул Сашку свою недопитую банку пива.

Какой-то инстинкт подсказал Сашку, что от этого предложения нельзя отказываться и, мало того, что его не следует даже обсуждать. Надо только одно: душевно поблагодарить джентльмена и, скрывая отвращение, глотнуть напитка. Отвращение же было вызвано не столько некоторой брезгливостью, сколько нелюбовью Сашки к английскому национальному виду пива – биттеру. Он всегда поражался, как можно получать удовольствие от этого теплого, мутного и горьковатого напитка с привкусом плесени. Но тут он – просто по Ста-

ниславскому – заставил себя поверить, что биттер – это вкусно, и, сделав глоток, даже причихокнул, якобы от удовольствия.

После того как банка была опустошена, последовало еще много размахиваний руками, красноречивого мычания одной стороны и вежливого поддакивания другой. Потом Сашок помог мыслителю забраться в вагон. Потом вез его до Лондона, все шесть минут краснея от недоуменных взглядов, которыми награждали странную парочку пассажиры. На станции «Ландон Бридж», к счастью, гуманитарная миссия подошла к концу: бойцы «Миллуолла» метались по платформе в поисках потерявшегося товарища. На перроне немой мыслитель вдруг протрезвел, очень больно пожал Сашку руку и представился: «I am Kevin». – «I am Sasha», – пробормотал Сашок.

С тех пор он еще пару раз встречал Кевина в поезде, и тот, поразительное дело, узнавал его, даже покровительственно хлопал по плечу, но имени вспомнить не мог – и почему-то называл «губернатором». При этом по некоторым признакам – в основном по поведению сопровождавшей Кевина гурьбы болельщиков – Сашку показалось, что тот – вовсе не последний среди них человек, а может быть, даже какой-то неформальный лидер.

И вот теперь снова железная дорога, снова платформа пригородной станции неподалеку от «Миллуолла» и снова встреча с неким незнакомцем – вроде бы менее опасная, но почему-то вызывающая чувство смутной тревоги.

Впрочем, шут гороховый, кажется, не соизволил явиться. И уже совсем было Сашок приготовился плюнуть (мысленно, только мысленно!) и собраться в долгий путь домой, «в Рим через Крым» (то есть с возвращением в Лондон – бог знает, сколько на это теперь уйдет времени!), как вдруг... Чья-то сильная, ловкая и наглая рука в секунду выхватила у Сашки пакет московского «Duty Free». Коренастый тип в застиранных джинсах и не слишком свежей футболке внимательно изучал содержимое пакета, не обращая на Сашку никакого внимания.

– Послушайте, нельзя же так! – не удержался Сашок. Но сам во все глаза смотрел на джентльмена и думал: «Неужели он – тот самый клоун? Не может быть! Неужели человека может так изменить одежда! Типичный вроде английский пролетарий, болельщик «Миллуолла», например».

– Listen, you can't snatch things out of other people's hands just like that! – на всякий случай перешел на английский Сашок. Но тут человек повернулся к Сашку лицом, и по угрюмому, злобному, но такому неподдельно родному взгляду узких маленьких глаз он узнал соотечественника. Но другого. Конкретно этого человека Сашок видел впервые. Тот, в свою очередь, бесцеремонно рассматривал Сашку с ног до головы. Наконец разверз свой рот, сплюнул на перрон (в буквальном смысле) и сказал по-русски с характерным южным акцентом:

– Слышь, а ты давно из Молдовы?

– Из Молдовы? Да вы с ума сошли – я в жизни там не был!

– Врешь!

– Уверяю вас, как-то сложилось, что ни разу так и не побывал. Но, вообще-то, нельзя ли чуть-чуть повежливей?

– Не был, говоришь? Побожись!

– Да вы шутите, что ли?

– Ты же в бога веришь?

– Я? Ну, знаете, это очень личный вопрос. А вы, собственно, кто такой, разрешите спросить?

– Я – Леша. А ты – Саша. Божись.

– А почему вы мне тыкаете?

– Тыкаю?

Предполагаемый Леша почему-то расхохотался. Потом вдруг резко замолчал, уставился на Сашка довольно злобно и сказал:

– Побожитесь!

– Ну... Ладно, пожалуйста, раз вы настаиваете. Ей-богу. Или как там надо божиться? Клянусь торжественно, что никогда ни одного разу ни одна моя нога не ступала на православную молдавскую землю... Аминь.

– А почему тогда статья про Молдову?

– А, вот в чем дело! Вы прочитали статью про молдавский текстиль!

Леша не стал отрицать очевидного, посопел только носом и сказал:

– Слышь. Расскажи мне про эту фабрику в Тирасполе.

– Про фабрику в Тирасполе? Но я ничего такого про нее не знаю. Кроме того, что в статье написано. Да и то я забыл уже... Статья, по-моему, такая, не очень-то... информативная. И вообще, Тирасполь – это в Приднестровье...

– В Молдове он, – посуровел Леша.

– Ну да, конечно, де-юре... Нет, послушайте, уберите руки, куда вы меня тащите, никуда я не пойду!

Узкоглазый Леша тем временем уже подхватил Сашка, что называется, под микитки и потащил его к выходу со станции.

– Слышь, а чо это ты пустой пришел, а? Где моего кореша-то портфель? – сказал Леша на ходу.

От этих слов все праведное возмущение Сашка как ветром сдуло.

– Я... – залепетал растерянно он, – видите ли...

– Ты что же, дудак, его не принес? Забыл, что ли? Во дает фраер... Придется теперь с тобой разбираться.

Тем временем Леша уже благополучно вытолкал Сашка из здания станции и куда-то потащил.

– Подождите, я все объясню! – пищал Сашок, но узкоглазый был неумолим.

– И насчет Молдовы – смотри, за базар отвечать придется, – нравоучительно говорил он, увлекая Сашка все дальше, мимо здания магазина «Сэйфуэй», в какой-то подозрительный, страшный переулок.

Глава 5

Razin'te khlebal'niki!

В грязноватом переулке за супермаркетом, куда узкоглазый головорез затолкал Сашка, было темно, смрадно и пусто. Только в дальнем углу какой-то здоровенный негр в рабочем комбинезоне подпирал стенку, покуривая. «Этот не заступится, – с тоской подумал Сашок, – скажет: у меня обед кончился».

– My lunch break is over! – и вправду заорал негр, но тут же перешел на русский: – Сколько вообще можно, блин, тебя ждать, где, блин, тебя, носит? И какого... зачем ты этого хрена сюда приволок?

– Да клиент дурной попался, – принялся оправдываться узкоглазый Леша, ни на секунду не отпуская Сашка из своих стальных объятий, – горбатого, понимаешь, лепит...

– Ща я ему полеплю... Он, чо, не принес ничего, что ли? – и с этими словами чернокожий джентльмен угрожающе приблизился вплотную к Сашку.

– Да вот, смотри сам, – сказал Леша, протягивая негру пакет «Moscow Duty Free». Тот быстро стал шуровать в пакете, при этом что-то невнятно бормоча себе под нос.

Тут Сашок наконец оправился от шока – в достаточной степени, чтобы заверещать горячо и нервно:

– Я принес, принес! Я принес будильник! И газеты! И словарь... Лусо... Лусо-японский. И карты. Вообще, я все принес, что было в портфеле.

Негр с некоторым изумлением уставился на Сашка, будто не ожидал, что тот способен разговаривать.

– А портфель, портфель он принес?

– Видите ли, – заволновался Сашок, – понимаете, какая штука...

– Не понимаю, – отрезал негр, – где портфель, зараза?

– Дынкин, – вступил в разговор Леша, – он не принес портфеля!

В грязном переулке за супермаркетом воцарилась тишина. Все напряженно молчали. Потом Сашок перехватил многозначительные взгляды, которыми обменялись Леша и чернокожий Дынкин, и понял, что дела его плохи, потому что в этих взглядах что-то явно читалось злое. И земля закружилась у Сашка под ногами...

В то время, когда Сашок вел неприятную дискуссию с Дынкиным и его бледнолицым товарищем Лешей в районе Нью-Кросс, у него дома, в Фолкстоне, тоже творились странные чудные дела. В тот вечер семейство собралось дома рано и уселось ужинать – втроем.

– Я за Сашу немного беспокоюсь, – говорила Мэгги, раскладывая по тарелкам запеченного лосося, приобретенного по сниженной цене в соседнем «Сэйнзбириз», – непонятная такая все-таки история с этим портфелем. Как вы считаете?

– И с этим джентльменом в русской национальной одежде, – подхватил Джон, – как-то действительно все это странно...

В эксцентричной Англии, естественно, существует добрая дюжина слов для обозначения понятия «странный». И с нейтральным, и с положительным оттенками. Но Джон выбрал одно из самых отрицательных – weird... И Анна-Мария немедленно ринулась на защиту мужа.

– Саша уж точно не вел себя странно! Его реакция была совершенно нормальной. Что бы вы сделали на его месте?

– Well... – пробормотал в ответ Джон. Слово это, в зависимости от интонации и обстоятельств, может иметь сотни, если не тысячи разных значений. В данном случае оно значило что-то вроде «ну, не знаю, не знаю...» В ответ Анна-Мария поджала губки, а Мэгги прими-

рительно попыталась перевести разговор на еду, но участников трапезы могли объединить лишь достоинства зеленого салата.

Дело в том, что Анна-Мария была веганом – то есть радикальной вегетарианкой. «I don't eat anybody!» – «Я никого не ем!» – с гордостью говорила она. Так что на розового лосося она смотрела с плохо скрываемым отвращением. Но и родители, бросавшие украдкой косые взгляды на отдельно приготовленный ужин Анны-Марии, отвечали ей взаимностью.

Веганы – категорически и без всяких исключений – отказываются употреблять в пищу не только мясо и рыбу, но даже и молоко, сыр, масло, вообще любые молочные продукты, а также яйца и даже мед («мы против эксплуатации пчел!»).

«Пчел эксплуатировать нельзя, а родителей можно», – иронизировал за глаза Джон, намекая на то, что дорогостоящие орехи, всякие там тофу и прочее покупались в основном из родительских средств, так как скромного вклада молодых в семейный бюджет явно не хватало. Вот и сейчас предки с некоторым ужасом поглядывали на оригинального вида блюда, приготовленные Анной-Марией. «Weird! – думал Джон. – Что хотите, а только weird!»

– Вот эта штука, это и есть – тофу? – спросил Джон, подозрительно косясь на большее сито с чем-то вроде желтоватой крупы.

– Папа, я уже тебе несколько раз говорила, это куинэа...

– Тофу – это совсем другое, это такая штука вроде гигантского гриба, – с сознанием превосходства заявила Мэгги.

– Какого еще гриба?! – возмутилась Анна-Мария – Вы что, смеетесь, что ли? Тофу – это соевая масса, растительный протеин, очень питательный. А куинэа – это из Латинской Америки, индейская еда, такая, как бы вам объяснить, «мать всех зерновых»...

Но тут объяснения Анны-Марии были прерваны звонком в дверь.

– Это Саша, опять, наверно, ключ забыл, я ему открою! – обрадовалась неожиданно раннему возвращению мужа Анна-Мария. Каково же было ее изумление, когда вместо Сашки она обнаружила на пороге элегантного джентльмена лет сорока пяти, одетого в зеленый твидовый пиджак, при галстук, в сверкающих дорогих ботинках.

В Англии, надо сказать, совершенно не принято являться в дом без предварительной договоренности. Правда, проповедники различных религий, а также бессовестные торговцы, использующие метод так называемых «жестких продаж», этим правилом иногда пренебрегают, но и отношение к ним соответствующее – в домах попроще их и оскорбляют, и гоняют, словно бродячих собак, и даже, чего доброго, могут и плеснуть чем-нибудь сгоряча, чтобы не шлелись. Ну а образованные классы (еще иногда именующие себя в духе классической самоиронии «треплыми классами») обрушивают на незадачливых коммивояжеров всю силу своего английского презрения.

Но на этот раз звонивший в дверь незванный гость совсем не походил на бродячего торговца, ни, тем более, на уличного миссионера.

– Вот, мистер... э-э... – попыталась представить его родителям растерянная Анна-Мария.

– Беник, – учтиво поклонившись, подсказал гость.

– Мистер Беник, пришел к Саше. Насчет портфеля.

– Как насчет портфеля? – вскричала Мэгги. – Ведь Саша поехал встречаться с кем-то на «Нью-Кросс». Разве не с вами?

– Примите мои глубочайшие извинения, но я боюсь, Александр опять что-то перепутал. При всем его несомненном уме он, кажется, немного рассеян. Вы не находите?

Анна-Мария и ее родители не знали, что сказать в ответ.

– Мы, – продолжал гость, – действительно первоначально договаривались о встрече на «Нью-Кросс», но потом выяснилось, что мне придется именно сегодня возвращаться из

краткой командировки во Францию – а вы ведь живете как раз по дороге, и мы с Александром передоговорились. Я готов подождать, если вы позволите, конечно...

– Могу ли я предложить вам чашечку чая? – после небольшой паузы сказала Мэгги.

О, эта волшебная чашечка чая! Действительно, в английской жизни трудно представить себе положение, в котором этот маленький фарфоровый сосудик с жиденьким напитком без определенного вкуса, цвета и запаха не пришелся бы кстати. В ситуациях, когда англичане ощущают серьезную неловкость, не знают, что сказать, смущены, растеряны или расстроены – всегда спасительная чашечка приходит на помощь.

В повседневных ситуациях «cup of tea» обычно сопровождается эпитетом «nice». Сашок первое время изумлялся: ну что такого особенно «наисного» – милого, приятного, хорошего – в обыкновенном чае? Но потом понял, что культ «чашечки» восходит к таким глубинам национального характера и общественного устройства, что лучше не ставить его под вопрос. Никогда и ни за что. Любовь к родине, материнский долг, необходимость соблюдать правила гигиены – все это открыто для обсуждения и даже критики. Но две вещи трогать нельзя – чашку чая и королеву. То есть можно, но не сомневайтесь – о вас в таком случае многие плохо подумают.

Мистер Беник – даром что иностранец – с благодарностью принял предложение и был водружен в «комнату для сидения» – по-русски говоря, в гостиную, а семейство получило таким образом необходимый тайм-аут, чтобы обсудить дальнейшие действия.

И в самом деле, что ли, оставить гостя дожидаться Сашка? Но бог его знает, сколько времени Сашку потребуется, чтобы добраться домой. Попросить мистера, как его там? Что за имя странное, в самом деле... попросить его прийти в другой день? Нет, это будет крайне неприлично. Ведь и на самом деле, наверное, Сашок все перепутал, это, увы, так на него похоже...

Анна-Мария в который раз выразила сожаление, что у него нет мобильного телефона, но это ее замечание было оставлено без внимания (кто же будет мобильную связь финансировать, позвольте спросить? – читалось на лице у Джона). А позвонить из автомата Сашок, конечно, не догадается, нет у него такой привычки...

Короче говоря, было принято решение вступить с гостем в переговоры по существу. В конце концов Мэгги была командирована в гостиную – с печеньем к чаю в качестве прикрытия – и вскоре вернулась с докладом: оказывается, незнакомец приволок с собой портфель Сашка и надеется поменять его на свой. Он, правда, предполагает, что Сашок забрал его, мистера Беника, портфель с собой на «Нью-Кросс»... И Мэгги как-то не решилась его переубедить...

– Так, может быть, тогда уж лучше не перегружать его деталями? – предположил Джон. – Потом они с Александром как-нибудь разберутся...

Это предложение сразу же всем понравилось, и так бы мистер Беник и отбыл бы ни с чем, но тут произошло невероятное. Господин гость спокойно вышел из гостиной, где ему полагалось смирно сидеть до появления хозяев, просунул голову в столовую и поприсел в туалет.

– Простите великодушно, – сказал он, – но я ведь сюда прямо из Франции. Давно не было возможности...

– Ну разумеется, разумеется, – забормотал Джон и пошел показывать мистеру Бенику дорогу на второй этаж.

Минут десять прошли в напряженном ожидании. Джон пытался что-то рассказывать о состоянии дел на бирже. А Анна-Мария принялась уговаривать родителей попробовать веганскую еду, уверяя, что она им непременно понравится. «Не понравится», – отвечал Джон. «Откуда ты знаешь, что не понравится, если ты не пробовал? Это такая тонкая вещь...» – «И дорогая», – как всегда, вставляла Мэгги.

Но потом настал момент, когда делать вид, что ничего особенного не происходит, дальше стало невозможно. Джон выразительно посмотрел на часы, а потом – в потолок, а Мэгги открыла было рот, чтобы сказать: «Well...»

Но тут... Тут события приняли совершенно неожиданный поворот. Сверху раздался какой-то непонятный грохот, хлопнула дверь, и по лестнице с диким криком скатился мистер Беник. Он вбежал в столовую, размахивая порванным портфелем.

– Как же такое получилось, а? – укоризненно голосил он. – Что это вы мне неправду-то сказали, а? Оказывается, портфель мой, он вот он где, ни на каком не на «Нью Кроссе»... Дома, оказывается, валяется... Порванный, со сломанным замком. Почему же вы с ним так обошлись? А еще англичане...

– Мы... я... Саша... – нестройными голосами заверещали растерявшиеся хозяева.

– Да вы даже не представляете, что значит для меня этот портфель! Если хотите знать, это подарок моего покойного брата.

– Но позвольте! – нашелся наконец Джон. – Как вы его обнаружили? Вы что же, вошли в одну из спален наверху и устроили там обыск?

– А вы знаете, как умирал мой брат? В каких муках? Вот вы, госпожа Туттов, вы, например, что знаете об этом?

– Но...

– Никаких «но»! Посмотрите сами, что ваш Александр наделал!

И Беник выставил перед собой на всеобщее обозрение испорченный Сашком портфель.

– Каково, а? Сначала перепутал наши брифкейсы, потом вскочил в поезд как угорелый и даже не обернулся. Что, притихли, узнаете своего Сашеньку? То-то! Чувствуете, что я правду говорю? А вы, вы меня обмануть пытались... Из-за какого-то жалкого портфельчика... Вы вот тут лососем балуетесь, этим вот просом всяким (Беник покосился на куинза) ... Бесчувственные, бессовестные люди!

Картинно потрясая растерзанным портфелем, мистер Беник фактически пропел последние слова, закончив их где-то на верхнем «ля». Семейство ошеломленно молчало.

– В общем, так, – каким-то другим, неожиданно хриплым голосом сказал гость. – Портфель этот теперь толком не починишь. Кое-как залатать, конечно, можно, фунтов за сорок-пятьдесят, но красиво все равно не получится. Так что я вот что предлагаю: я забираю оба. Одним пользоваться буду, на работу с ним ходить, а другой куда-нибудь поставлю (Беник осмотрелся вокруг), да вот хоть на каминную доску, да... и буду брата вспоминать.

– Но постойте, это несправедливо! – опомнилась вдруг Анна-Мария.

– А хватать чужие вещи – это справедливо? А рвать подарки покойного брата, который умер в муках, это нормально, да? Нет уж, не выйдет! – отрезал Беник и с этими словами извлек откуда-то из-за спины второй портфель и, развернув его прямо над столом, принялся высыпать прямо на тарелки с едой Сашковы журналы, книжки и блокноты. «Чужого мне не нужно...» – бормотал он при этом.

Когда Беник покинул дом, все долго молчали, а потом Джон сказал:

– Оригинальный какой тип... Он действительно русский, как вы считаете?

– Не знаю, – сказала Мэгги, – когда я его провожала, он бормотал какие-то странные слова... Сейчас попробую воспроизвести: «Khle-bal-niki ra-zi-nu-li», кажется, или что-то в этом роде... Не знаешь, кстати, Анна-Мария, что это значит?

– Нет, – грустно отвечала Анна-Мария, – это, по-моему, вовсе даже не по-русски. Русский звучит гораздо красивее...

А тем временем в полутора часах езды от Фолкстона, в районе Нью-Кросс, в грязном вонючем переулке сидели на корточках и вели мирную с виду беседу трое мужчин – один чернокожий и двое белых.

– Понимаешь, какая канитель, – ласково, почти шепотом, говорил один из двух белых другому. – Ему ведь твоя хурда не нужна. Ему портфель нужен. Это ведь память о нашем с ним, – узкоглазый Леша кивнул на чернокожего, – погибшем брате. А сам понимаешь, память – это святое. Так что доставишь в лучшем виде. Ведь доставишь?

Сашок кивнул или, по крайней мере, попытался сделать какое-то движение головой.

– Он принесет, Дынкин, принесет, точно тебе говорю, он въезжает, он не тормоз какой-нибудь! – заступился за Сашка Леша.

– Смотри, Лещ, за базар ответишь! – сказал чернокожий Дынкин.

– Я принесу, – заговорил наконец и Сашок, – обязательно принесу, завтра прямо и принесу, раз уж так вышло.

– Умник! – обрадовался Лещ. – А чтобы тебя материально простимулировать, мы тебя поставим на счетчик – 50 квидов в день, считая с сегодняшнего дня.

А Дынкин при этих словах достал из пакета старый ржавый будильник, одним ловким движением фокусника завел его, и тот отвратительно громко, на весь переулок, затикал.

Глава 6

Грубая Британия

И снова Сашок стоял перед невообразимо трудной задачей. Рассказывать ли домочадцам о приключениях близ станции «Нью-Кросс» или лучше промолчать? А если рассказывать – то с какой степенью откровенности? Поймут ли они его? Поверят ли? Как угадать их настрой? Как разобраться с реакцией? Или они сочтут его рассказ грубым, неприличным, чем-то, о чем нормальные люди предпочитают смолчать? Как он, помнится, гадал, стоит ли рекламировать им выставку в музее «Тэйт» под названием «Rude Britainia», или это как раз и будет сочтено грубостью и бестактностью? Столько ведь раз попадал впросак.

Прослышав про ту выставку, Сашок впал в некоторое недоумение. Это британцы-то – грубияны? Это англичане-то? С их сложностями, с их бесчисленными цирлих-манирлихами? Вправо нельзя, и влево тоже нельзя, три говорим, семнадцать в уме, не дай бог не то слово употребишь, не с той интонацией что-нибудь произнесешь. Намек на сарказм – кошмар какой, да как можно? Нация джентльменов, и вдруг такие грубости вокруг пуканья, каканья, всякие там символы фаллические и так далее. Да как же это? Впервые Сашок пораженно задумался над этим странным противоречием, еще в Москве увидев скетчи Бенни Хилла. Смешно по-своему, но... Вульгарновато как-то... казарма прямо! Это про немцев он в детстве еще слышал, что юмор у них именно такой. Попахивающий. Но про англичан... Не может быть, у них же тонкий юмор, тончайший!

Или нет? Поселившись на Альбионе, Сашок начал потихоньку разбираться и с этим. Задумался: а действительно ли так уж тонок английский юмор? Да, но только в том смысле, что абсурден и потому требует специфической игры ума... Но вовсе не во французском понимании – кисейной тонкости и изящества нет как нет. Абсурд может быть вполне грубым. Сашок вспомнил свой первый английский анекдот, услышанный еще в детстве, в Москве, разумеется. Приходит человек в аптеку и спрашивает: у вас чернила есть? Ему с улыбкой вежливо разъясняют недоразумение: в аптеках торгуют лекарствами, а не канцелярскими принадлежностями. Покупатель рассыпается в благодарностях и уходит. Но на следующий день является с тем же вопросом. Аптекарь демонстрирует чудеса выдержки и хладнокровно повторяет вчерашнее объяснение. И так это повторяется много раз. Покупатель неизменно, с идиотическим флегматизмом осведомляется насчет наличия чернил. А вот продавец начинает постепенно терять терпение. В конце концов с него слетает цивилизационный слой и он орет на идиота последними словами и даже угрожает приступить к мордобойу. Но тот по-прежнему не теряет самообладания. И вот эта эволюция – самое интересное. И «твист» – неожиданный поворот сюжета в конце. «Не надо горячиться, – говорит клиент, – я понял, что у вас нет чернил! Не переживайте, это дело поправимо. Вот, я вам их принес».

Это, конечно, надо разыгрывать в лицах, иначе не смешно. И самое интересное – постепенное озверение аптекаря – в контрасте с невозмутимостью абсурдного клиента. Сашок в детстве много раз исполнял этот скетч, и представители самых разных поколений смеялись. Но насколько этот юмор можно считать непременно тонким – вопрос этот так и остался для Сашка спорным.

Оказавшись в Англии, Сашок убедился, что общение здесь обставлено кучей всевозможных сложностей, табу и условностей... Параллельно с этим существует другой мир – грубый и чувственный, простой, как правда... И тем большее наслаждение для закомплексованных, застегнутых на все пуговицы, чопорных обитателей мира первого позволить себе время от времени вдруг окунуться в мир второй, со всеми его сальностями и фекальной тематикой. Контраст просто невообразимый. Все равно что из раскаленной сауны, источая

жар, истекая литрами пота, прыгаешь в ледяную воду – кайф для некоторых просто невообразимый... Потом надо быстренько вернуться, незаметно отряхивая с фрака нечистоты...

Говорят, все это началось с кромвелевской пуританской революции, которая вроде бы потерпела поражение, но почему-то навсегда изменила Британию и британцев. И политику, и экономику, и общественную нравственность. Без Кромвеля, говорят, не могло бы быть Викторианской эпохи...

Сашку трудновато было во всем этом разобраться, он мысленно пожимал плечами, дивясь... Чувствовал он, что рассуждения о политическом и сатирическом смысле английской грубости, которым любят предаваться обозреватели левой направленности, – это правда. Но далеко не вся правда. А только часть ее. Скажем так: левая ее половина. А ведь есть и правая. Которая, наверное, гласит, что грубый похабный мир живет в подводной части человеческой натуры, в том числе и английской.

Телевидение приблизило два мира друг к другу – и очень сильно. Когда в 60-е годы только появились первые юмористические передачи такого рода, их сначала встретили с негодованием. Интеллигенция писала в прессе, что долго этим непристойностям не просуществовать. Однако постепенно с похабством свыклись. Не без удовольствия подглядывали за ним и подхихикивали. Поначалу стеснясь, а потом и не очень...

Особенно скандальным было появление легендарной программы *Spitting image* в 80-е. Уже само название было примечательным – каламбур. С одной стороны, *spitting image* – распространенное выражение, означающее «вылитый». Например: «*You are the spitting image of Lenin*». «Вы – вылитый Ленин». Но в то же время, буквально, «спиттинг имидж» значит – «плюющийся образ». И грубо шаржированные образы политиков и знаменитостей в передаче и плевались, и ругались, и даже рукоприкладством занимались. Формат оказался невероятно популярен во всем мире. В России его называли по-простому: «Куклы».

Но когда английские абсурдисты только придумали передачу в середине 80-х, первая реакция местной публики была – шок. Всеобщее негодование. Какой низкий вкус, какая вульгарность: особенно изображать королеву коммунисткой, а ее сестру – низкопробной певичкой, исполняющей похабные куплеты.

Рейтинги тоже поначалу были совсем невысоки. Настолько, что передачу чуть было не прикрыли. Но в последний момент заметили тенденцию: постепенно аудитория растет. «Плюющимся» дали шанс и не пожалели – как-то вдруг оказалось, что она стала невероятно популярной. Выяснилось, что грубо, может, и грубо, но в чем-то перекликается с традицией, с глубинной любовью нации к абсурду.

Так что приемлемый уровень грубости поднимался неуклонно, пока не достиг, уже с помощью невоспитанного бунтаря и хама, Интернета, своих нынешних зияющих высот.

Теперь уже настала пора разбираться, откуда растут корни: исконно ли британское это явление, всегда ли оно жило в нижних социальных этажах, ожидая своего часа, возможности вырваться наверх. Или же это что-то порожденное новой вульгарной эпохой массовой культуры, эрой вседозволенности.

Для этого самоанализа и выставку организовали в музее «Тэйт»: «Грубая Британия». Англичане толпами хлынули ее посещать.

Сашок решил, что ему тоже не помешает разобраться с животрепещущей проблемой грубости, и жена его в этом энергично поддержала. Сама тоже собиралась вроде идти, но потом то ли денег пожалела, то ли на самом деле так уж позарез понадобилось заболевшую коллегу заменить. Или и то и другое вместе, как это часто бывает у англичан. И с деньгами на самом деле было туго, а тут такой предлог стопроцентный... Двух птиц – одним камнем. «Расскажешь мне, если это действительно так уж интересно я, может, потом родителей поехать уговорю», – сказала Анна-Мария.

В общем, Сашок отправился на выставку один. Оставшись, соответственно, без местного комментатора, который мог бы что-то объяснить из увиденного.

А увидел он много чудного – экспонаты здесь были выставлены от начала XVII века до наших дней, и во многих из них нелегко было разобраться бедному иностранцу.

До него даже не сразу дошло, что и в названии выставки, как всегда, – игра слов. Но все же сообразил в итоге – сам, без подсказки. Чем мог бы гордиться. И так, с одной стороны, Rude Britannia именно и означает: «Грубая Британия». С другой – всего на одну букву отличается от названия неофициального гимна страны и ее исторического девиза: Rule Britannia – «Правь Британия».

Таким образом, вопрос о всемирно-историческом значении грубости в национальном самосознании оказался поднят на экзистенциальную высоту.

Отдельные залы были посвящены абсурду (главное все-таки в английском юморе) и непристойности. Она тоже, видимо, воспринималась англичанином как абсурд. Вот скульптура XX века – «Я мертв». Гигантский человеко-тюлень с надписью: «Если не сейчас, то когда?» А вот какие-то «Фальшивые стены». Что бы это значило?

Ну и масса всяких пукающих задов, описавшихся и обкакавшихся уродов, но все не просто так, все с какими-то непонятными Сашку намеками. Но вот что в пояснениях не нужно, так это один из самых популярных экспонатов – здоровенная такая мужская рука, торчащая из стены и ритмично покачивающаяся. Пальцы сжаты вокруг невидимого предмета... Названо произведение изобразительного искусства одним из самых бранных слов, очень и очень оскорбительным в британском контексте. «Wanker». И рядом – гордо – имя автора, женщины, между прочим. Сара Лукас.

Кстати, тоже интересно бы исследовать, почему «онанист» (ну да, пусть в более вульгарном варианте) стало таким уж ужасным оскорблением среди британской молодежи. После его употребления вслух – или драка, или полный разрыв... Примирение вряд ли возможно. Сравнимо с эффектом, производимым в некоторых российских кругах словом «козел».

В исторической части выставки больше политики. Над иезуитами издевательства – почему-то они на исторических карикатурах ездили на ослах и раках. «Наверно, тут контекст какой-то символический... мне не понять», – меланхолично думал Сашок. Пытался он пристроиться к каким-нибудь местным жителям, послушать, как они реагируют, что говорят между собой. Но говорили они вещи загадочные, упоминали какие-то неведомые Сашку имена и смеялись там, где ему было не смешно.

Много было всего посвящено непотребному пьянству. А вот относительно современные политические карикатуры. Хищная Маргарет Тэтчер. Тони Блэр, радостно фотографирующий ядерный взрыв, – понятны симпатии и антипатии устроителей. «Левачество – последнее пристанище обиженных», – фыркнул некий лощеный джентльмен высокого роста. «Ага, политическая грубость все-таки больше свойственна левым», – подумал Сашок. Ну и вообще, они же ближе к народным массам... Или нет? Это, может, у меня такое убеждение с советских времен... Но левых среди интеллигенции – большинство. Оказывается, еще в тридцатых годах XIX века в Лондоне, на Холивелл-стрит, можно было закупить порнографических рисунков, издевавшихся над аристократией и власть имущими. В наше время в этих не слишком искусных открытках трудно разглядеть что-то смешное и совсем нет ничего эротического, но историческая преемственность очевидна.

Сашок покинул выставку со смешанными чувствами. Шел и размышлял: стоит ли рекомендовать ее Анне-Марии и ее родителям? Историческая и политическая части их, наверно, заинтересует. Но как насчет «Вонкера»? Не покажутся ли им такие экспонаты омерзительными? И пришел к неутешительному выводу, что до сих пор в этом смысле так до конца и не понял ни тестя с тещей, ни даже собственной жены. Что уж говорить о британской

национальной психологии. «И еще они про нас, русских, говорят, что мы – загадка внутри секрета, завернутая в тайну. А сами! Сами-то во сколько слоев завернуты?» – думал Сашок.

Сами ведь расписываются в своей особости, отдельности от остального мира. Начиная с квалификации завтраков, которые делятся на английский (плотный) или континентальный, то есть хилый, диетический и дешевый. То есть жалкое подобие завтрака. Знаменитая цитата из прессы начала XX века, которую британские журналисты так любят цитировать, посмеиваясь сами над собой: «Над Каналом (то есть над Ла-Маншем) туман – континент изолирован».

Некий голландец, Густав Ренир, долго прожив на Альбионе, написал книгу под поразительным названием «Люди ли англичане?» Почти в любой другой стране местные жители обиделись бы. Кое-где автора со света за такое стали бы сживать. Оскорблять, угрожать, а в отдельных государствах и в суд могли бы потащить за оскорбление нации и страны. Но только не в Британии! Здесь это вызвало полнейший восторг, книгу многократно переиздавали. Даже в суровые годы Второй мировой войны нашли деньги на очередную перепечатку. Надо же было как-то повеселиться, как-то отвлечься от трудностей... Все-таки нация, любящая и умеющая так смеяться над собой, это нечто особенное, размышлял Сашок. У него лично это необыкновенное свойство вызывало огромное уважение. Но среди соотечественников находились и такие, кому это казалось глупым юродством... Но есть ли у них у самих чувство юмора? Наверно, нет.

А вот один из потомков русских царей, Ростислав Романов, гражданин США, обожает английский юмор, и потому, наверно, ему так уютно жить в Британии. Английский образ жизни уникален, говорит он. С ним ничто не сравнится. А что это значит? Значит, дом, а не квартира, в идеале – detached, то есть отдельно стоящий, особняк. Обязательно с большим достатком садом. Желательно на природе, но в крайнем случае и в городе – таунхаус. Индивидуалистично, от всех отдельно. Великий принцип «мой дом – моя крепость». Кстати, в оригинале – «замок».

На обратном пути с выставки задумавшийся Сашок не заметил, как оказался перед огромным зданием, вернее комплексом зданий из светло-серого камня. Монументальный архитектурный стиль 20-30-х годов XX века. Призванный воплотить в камне величие империи. Чтобы дух захватывало. Но в наше время такой стиль кажется несколько претенциозным. Даже нелепым. По крайней мере, в британском общественном либеральном контексте. Ведь это же «Темз-хаус»! Ни много ни мало – штаб-квартира британской службы безопасности МИ-5! Ничего удивительного, что он на нее набрел: они ведь с «Тэйт» – соседи на северной набережной реки.

Могучее сооружение, ничего не скажешь. Вот огромная арка знаменитая, под нею парадный вход... Интересно, что за люди туда входят... Вон идут двое гаврил каких-то – самые обыкновенные на вид человеческие экземпляры. Как-то даже разочаровывает слегка. Но, может, это подрядчики какие-нибудь... или электрики. Перекликается ли чуть-чуть с впечатлением от красивого, но такого все же пугающего здания на Лубянской площади? Да, да, что-то есть общее! Сашок предполагал, что и в психологии людей, там работающих, должно быть много общего. Такая же свирепая подозрительность ко всем и вся, такая же презумпция всеобщей бязи... Хотя что он знает про британских контрразведчиков? В жизни не видал ни одного, а если и видал, то не догадывался об этом...

В любом случае смотреть на «Темз-хаус» не так жутко и страшно, как на «Госужас» в Москве. Почему? Да хотя бы благодаря «Торчвуду».

Так назывался бесконечно длинный телесериал, невероятно популярный в Британии, культовый. Туристы со всей страны, да и паломники всего мира даже ездят специально в столицу Уэльса – Кардифф, где, по сюжету, располагался этот самый «институт Торчвуд». Сашок всех серий, конечно, не видел. Но те, что удалось посмотреть, немало его позабавили.

С совершенно серьезным видом (ну прямо как у того клиента, что требовал чернил в аптеке) авторы утверждали, что «институт» был создан лично великой королевой Викторией в XIX веке. Произошло это после того, как она чудом была спасена от нападения злобного вервульфа, который на поверку оказался инопланетным чудищем, стремившимся завладеть телом монарха и тем самым властью над Британской империей. При этом он сумел слегка совсем ранить королеву. Маленькая буквально царапинка такая, но через нее проник в кровь коварный яд... Результат – наследственное проклятие гемофилии, которой предстоит сыграть такую злую шутку с Россией... Сашок поежился: ну и шуточки у англичан!

С тех пор глубоко засекреченный «Институт Торчвуд» на протяжении полутора веков стоял на страже интересов империи, временами зазнаваясь от сознания своей тайной власти и превращаясь в весьма зловещую секретную службу. В сравнении МИ-5 выглядит такой безобидной и обыкновенной земной организацией...

Но реальная штаб-квартира реальной контрразведки стала главным местом событий в пятом сезоне сериала. Тот еще сюжетик. Некая могущественная космическая цивилизация, известная под кодом «456», угрожает угробить человечество, если ее представителям не будут переданы 10 процентов всех детей Земли. Между тем у британского правительства и «Торчвуда» уже был опыт общения с «456», дающий основания предполагать, что пришельцы вполне способны выполнить свою угрозу. В 1965 году с ними уже заключалась сделка: 12 детей взамен на эффективную вакцину от азиатского гриппа, которая спасла миллионы жизней. Тогда такой обмен показался британцам вполне разумным. Но со временем аппетиты инопланетян, использующих детей для изготовления своих наркотиков, выросли. Теперь им уже каждого десятого подавай. Деваться некуда, придется подчиниться. Но как определить, кого принести в жертву? С этим связан самый комический, хотя вроде бы и трагический эпизод сериала – Сашок долго смеялся, когда понял, о чем идет речь. Правительство Британии решило отдать чудовищам учащихся средних школ, занимающих последние места в так называемых лигах успеваемости.

А надо сказать, что эти ежегодно публикуемые таблицы вызывают большой ажиотаж среди британских родителей. Школы, регулярно занимающие в таблицах последние места, – колоссальная головная боль и для правительства. Ведь общество ждет, что власти что-нибудь предпримут, каким-то образом изменят ситуацию в этих на самом деле совершенно позорных учебных заведениях, выпускники которых не способны толком ни читать ни писать. В этом контексте вариант «Торчвуда» казался гениальной пародией. Вот о каком решении, наверно, мечтают власти предрежащие. Впрочем, какие-нибудь радикальные левые, возможно, тайно, самим себе в том не признаваясь, тоже мечтают о чем-то подобном, хоть и с обратным знаком: как бы избавиться от так называемых «грамматических» школ, куда отбирают самых одаренных детей из не слишком состоятельных семей. Почему-то именно «грамматические», а не дорогие частные школы – объект особой ненависти левых. Вот если бы отдать этих высокомерных вундеркиндов, будущую опору истеблишмента, на съедение галактическим чудищам, и социальное равенство обеспечено. Забавно написал кто-то из критиков: «Торчвуд» – кошмар, в котором реализуется классовое подсознание».

Сашок стоял перед «Темз-хаусом» и улыбался. Пытался поточнее установить то место над крышей здания, в которое в сериале «Торчвуд» ударил огненный столб. Это таким образом прибыл на Землю для переговоров представитель зловещей цивилизации «456». И дальше все эти вполне пародийные ужасы там внутри и происходили. Хотя, как полагается, рассказ велся опять же как бы вполне серьезно.

Детей Земли, разумеется, в итоге спасли, ценой жизни всего одного ребенка, внука главного героя. А «456» позорно бежали. Двучленному британскому премьеру пришлось уйти в отставку, в общем, все как положено. А школы-аутсайдеры так и остались неразрешенной проблемой.

По ассоциации Сашок вспоминал и как в одном из фильмов о приключениях Джеймса Бонда лодка выскакивает в Темзу из другого таинственного объекта – футуристического здания штаб-квартиры разведки МИ-6. Прodelав в здании огромную дыру. Почему-то ничего подобного нельзя было вообразить в Москве, на Лубянской площади. Как же, позволят наследники Дзержинского так над собой издеваться! Ждите! Такой фильм в России ни за что не дадут выпустить. Может быть, в этом и разгадка, почему на «Темз-хаус» смотреть все-таки не так страшно. Потому, что такие уж британцы охальники. Просто ничего святого. Грубияны, что с них возьмешь...

Или наоборот – слишком тонкие, запутанные люди, загадочные... Но бывали моменты, когда Сашок точно предпочел бы родственников попроще. Которым можно было бы рубануть сплеча. Сказать: ох, родичи вы мои, влип я, как очкарик какой-нибудь. На счетчик меня поставили. Помогите, подскажите, что делать. Но проклятые примаковские комплексы на давали Сашку быть откровенным.

В результате он так и не сумел объяснить Анне-Марии, что же с ним произошло. И все равно ее расстроил. В глазах жены он увидел смесь обидной жалости и снисходительности. Или, по крайней мере, так ему показалось. Типа: «Ну вот опять... с нормальными людьми такого не бывает. Почему мне достался такой непутевый, такой русский муж?»

Прочитав подобное в очах любимой жены, Сашок прервал себя на середине фразы. А в соответствии с неписаными английскими правилами жена немедленно поджала губы и запретила себе проявлять интерес. Сделала вид, что все происходящее нисколько ее не волнует. И пошла спать. И родители ее, почувствовав напряжение, тут же ретировались. Ух, русские теща с тестем выпотрошили бы его, все выяснили, ну и перепилили бы, наверно, пополам. Но Сашок в данном случае с радостью согласился бы быть перепиленным. Все лучше, чем вот эта игра в безразличие.

А так он остался один на один с российской оргпреступностью и ее представителями на английской земле.

Глава 7

Инфернальный огонь

До появления чаринг-кросского поезда оставалось каких-нибудь полторы минуты, из-за белых дуврских скал уже вроде бы доносился смутный шум электровоза, и пассажиры на станции «Фолкстон-Сентрал» оживились, двинувшись к желтой заградительной линии. Направился туда и Сашок, прихватив с собой пластиковый пакет магазина «Дебенэмз», в котором теперь, за отсутствием портфеля, таскал свои пожитки. И вот в этот момент кто-то тронул Сашку за плечо. Обернувшись, он рассчитывал увидеть соседа Филиппа, милейшего старичка, в прошлом архитектора, у которого как раз по понедельникам бывают иногда дела в Лондоне. Или, может быть, даже домошника Гарри (официально – безработного), который, как считалось в семье у Сашки, уже четыре раза обчищал их дом, с каждым разом делаясь все фамиллярнее при личных встречах. Но нет – это был не Филипп и не Гарри, а какой-то джентльмен, одетый, как и большинство пассажиров, в нечто серое, мешковатое и неприметное. Но трудно было не заметить другого – двух портфелей, которыми джентльмен был оснащен. Один из них он сжимал в правой руке, а другой был подвешен на ремешке через левое плечо.

– Здорово, Андреич, ну и погода сегодня, скажи? – заговорил незнакомец по-русски, и, услышав его голос, Сашок тут же узнал его. Да и оба портфеля тоже узнал.

Без всяких сомнений, это был тот самый шут гороховый, что пару недель назад нарушил мирное течение его, Сашковой, жизни. В тот раз, правда, он был выражен в немыслимую телогрейку, шапку-ушанку и валенки с галошами. И снова, во второй раз за два последних дня Сашок поражался, как сильно одежда меняет человека. «Прошел бы мимо – никогда бы не узнал», – ошеломленно думал Сашок.

Он теперь уже прекрасно понимал, что угодил в какую-то мафиозную комбинацию. Скорее всего, думал он, в подсунутом портфеле имелось двойное дно, в котором и было спрятано что-то для бандитов ценное. Например, кокаин, или деньги, или компромат на кого-нибудь. Зачем браткам понадобилось использовать его, Сашку, услуги без его ведома (что называется, втемную), это бог его знает, скорее всего, дело случая. Может быть, Сашок просто попался кому-то из них на глаза – соотечественник с таким же, как у банды, портфелем, как же не воспользоваться? Или что-нибудь в этом роде. Потом бандиты захотели получить свое добро назад, но, видимо, раскололись на две группы или еще какая-то у них произошла запутка.

Короче, кто-то, назвавшийся мистером Беником, явился в отсутствие Сашки к нему в дом, заморочил родичам голову и забрал портфель, не отдав ничего взамен. А сам Сашок тем временем вел переговоры с Дынкиным и его подручным Лешей. Если, конечно, это можно назвать переговорами. То есть вся проблема была в том, что ни одной прямой угрозы произнесено не было. Дынкин угрожал расправой скорее своему подручному Леше, а Сашка будто и не замечал даже. Ну, и что после этого мог Сашок сказать полиции? «Вы представляете, этот русский черный обещал моему напарнику глаза выколоть и половые органы отрезать. А на меня сначала не смотрел, а потом стал смотреть – с таким подтекстом, что мороз по коже». Разве бывает такой состав преступления, как «подтекст» или «мороз по коже»?

Нет, с этим в полицию не пойдешь, да и Anne-Марии не объяснишь, не говоря уже о ее родителях. И вот, когда Сашок совсем уже было отчаялся, пожалуйста, новое явление на станции «Фолкстон-Сентрал». Тот же самый шутник, собственной персоной. «Опять игра какая-то, – думал в ужасе Сашок, – но, по крайней мере, портфели снова налицо, нарочно, гад, мне их демонстрирует... на приманку ловит».

А вслух сказал:

– Так это вы приходили к нам в мое отсутствие? Это вы – мистер Беник!

– Я, конечно, кто ж еще?

– И оба портфеля вы забрали!

– Ну не без того, не без того... Ладно, давай, в поезд-то садись, а то места нам не достанется.

И с этими словами Беник фактически запихнул Сашку в вагон. И сам уселся рядом с ним.

– Эх, удивляюсь я этим поездкам английским, – оживленно продолжал Беник. – Ну мыслимо ли дело вот так вот ездить? Это в наше-то время... скажи?

Так как Сашок не нашел совершенно, что сказать в ответ на эту реплику, то Беник продолжал без устали говорить сам. Вдоволь посокрушавшись по поводу состояния британского железнодорожного транспорта, он плавно перешел на сельское хозяйство.

– Гляди, гляди, – говорил он, указывая на пасторальные пейзажи, мелькавшие за окном вагона, – сколько у них все-таки баранов везде пасется. Зачем им столько? Да им в жизни столько не съесть! И не остричь! Баран у них – культовое животное, скажи? Они от этого сами на них похожи делаются. Ну, вот видел, как они в электричке или в метро никогда в середину вагона не догадаются пройти, всегда толпятся у входа? Как бараны!

При этом он делано хохотал и толкал Сашку в бок.

Сашок хотел было объяснить клоуну про «Правило шести дюймов», но не стал в итоге этого делать. Что метать бисер перед известными животными? Толку все равно не будет, да и настроения нет совершенно.

Разве поймет он, что это такое, когда с самого детства прививают отвращение к близкому физическому контакту с другими людьми. Или каково это – считать высшей ценностью достоинство личности, индивидуальность и индивидуализм, а отсюда – и полная непригодность к жизни в толпе.

Он не поймет, думал Сашок, я ведь и сам не до конца все это понимаю... Так, угадываю. Например, что для такого человека, для такого англичанина – жуткая, тошнотворная необходимость протискиваться, проталкиваться в середину вагона. Толкаться и – о ужас! – прижиматься к другому существу. Для комфортабельного состояния тела и души необходимо соблюдение дистанции – как минимум тех самых шести дюймов, то есть пятнадцати с небольшим сантиметров.

Вот если спросить Беника, как надо пробираться к своему месту в партере, то он ответить не сможет, поскольку по театрам не ходит. А то бы он знал, что в России хорошим тоном считается продвигаться непременно повернувшись лицом к уже сидящим в вашем ряду. Не то в Англии – здесь, если вы хорошо воспитаны, то должны поступать ровно наоборот. Только спиной! Сначала мне это казалось какой-то дикостью. Но теперь я начал понимать англичан: для них неприлично, дико оказываться в столь интимном положении – лицом к лицу – с совершенно незнакомыми людьми.

Причем правило шести дюймов существует и в буквальном, и переносном смысле. Англичанину отвратительны любые формы фамильярности. И вот в этом, может быть, самое главное, самое глубинное различие между нашими ментальностями и образами жизни.

И отношение к очереди – кардинально разное. Для англичанина она – чудовищное насилие над личностью, но насилие, без которого в наши дни обойтись невозможно, сколь это ни прискорбно. А раз так, надо переносить его стоически. Надо продемонстрировать жесткость своей верхней губы. Значит, поведение в очереди – это очень важный тест на цивилизованность. Тест, который и русские, и другие варвары, типа французов и прочих итальянцев, с английской точки зрения, регулярно проваливают.

Вот что мог бы Сашок рассказать подозрительному господину Бенику, но решил, что толку все равно не будет. Нисколько это не будет этому жлобу интересно. У него другое на

уме. Хотя, надо признать, обвел английское семейство вокруг пальца он довольно ловко. Продемонстрировав определенное понимание психологии.

Восемь дней назад, вернувшись со встречи на станции «Нью-Кросс» с Дынкиным и его подручным Лешей, он стал было корить родичей за то, что те за здорово живешь отдали портфель неизвестному Бенику. Родичи огорчились, но упрека не приняли. Тесть говорил: разве не сам Сашок виноват, что согласился играть в какую-то идиотскую игру с этим, как его, Веником? А потом не он ли сам повредил чужую собственность? А кто спутал место встречи?

«Ничего я не спутал», – начал было Сашок, но осекся: рассказывать о бандитах, их смутных, но страшных угрозах, ему не хотелось. («Все равно ведь не поверят, а если поверят, то так перепугаются, что придется «Скорую» вызывать», – с тоской думал он.)

А ведь каких-нибудь две недели назад жизнь казалась Сашку несколько пресной и однообразной. Через три года, семь месяцев и приблизительно восемнадцать дней они с Анной-Марией должны были бы, наконец, накопить денег на депозит для покупки собственного жилья. Правда, заветный день постоянно отодвигался. В теории они должны были откладывать по 250 фунтов в месяц, но на практике иногда не дотягивали и до 200. Да что там говорить, и по сотне иной раз не наскребали, а три месяца и вовсе пришлось пропустить, пока Сашок сидел без работы. Но уж теперь они твердо договорились с женой: по 175 каждый месяц вынь да положь, хоть кровь из носа. Аня-Маша даже детально расписала всю их жизнь на листе бумаги. Сашку на работе, помимо сэндвича с напитком на обед, полагался еще один-единственный стаканчик чая из автомата. Но только один. Ну, и все в таком же духе.

Это была, конечно, довольно занудная жизнь. Даже в кино или театр Сашок с женой попадали только по милости родителей, которые изредка приглашали молодых с собой. Ну, и репертуар это был соответствующий – всякие старомодные мюзиклы, вроде «Мизераблей» (то есть «Отверженных» по роману Виктора Гюго), и благообразные семейные комедии. Тоска! Но ничего, ничего, подбадривал себя Сашок, вот вырвемся на просторы моргейджа, он же ипотека, купим себе собственную квартиру, а то и домик с садиком, заведем свои порядки. Правда, все его знакомые, уже совершившие волшебное превращение в домовладельцев, предупреждали, что ипотечный кредит на двадцать пять лет – это та еще петля на шее, та еще тюрьма для русского духа. Но нет, нет, они не понимают или забыли, что такое жить примаком в английской семье. Скорее бы на свободу!

Но теперь, благодаря вот этому фрукту, вот этому живому привету с родины, что сидит с ним рядом в поезде и несет всякую околесицу, все пошло насмарку. Сашку особенно больно было представить себе, как расстроится Анна-Мария. Он вспоминал, как трогательно она высовывала язычок от старания, расписывая режим накопления, как она тайком экономила на своем обеде, чтобы купить ему русскоязычную газету, или французский афтершейв, или еще что-нибудь. Хотя в то же время и обижалась на Сашку, если он выпивал незапланированную чашку кофе или угощал кого-нибудь из коллег. Обижалась, конечно, не по-русски, а по-английски, поджимая губки и становясь формально-вежливой.

– Слушай, Андреич, – прервал размышления Сашка мистер Беник, – не нравишься ты мне сегодня. Чего это ты раскис? Согласен, несправедливо получается: у меня два портфеля, а у тебя ни одного, только пакет этот позорный. Но если я верну тебе твой портфель, то сам останусь вот с этим, сломанным. Вишь, я его пока подклеил кое-как. Но если чинить по-хорошему, то меньше чем в сто фунтей не уложишься.

– Да как же так, новый он стоил шестьдесят, а за ремонт – сотня? – не сдержался Сашок.

– Согласен, дикость, но у них всегда здесь так, в этой Англии, ты разве не заметил?

– Да мне теперь все равно. Я, может быть, теперь 400 должен.

– Кому это?

– Да одному... Афрорусскому.

Лицо Беника вытянулось.

– Это не Дынкину, случаем?

– А, так вы с ним знакомы! – торжествующе воскликнул Сашок. – Я так и знал!

– Да то, что я с ним знаком, чего уж тут удивительного... А вот что ты с ним познакомился, это, брат, плоховато...

Беник вдруг преобразился. Всякое шутовство куда-то испарилось, и Сашок увидел перед собой очень озабоченного, серьезного, встревоженного человека.

Этот человек был погружен в глубокое размышление. А потом вскочил и, не прощаясь, двинулся в другой вагон, унося с собой оба портфеля. «Вот так да», – растерянно подумал Сашок. Но через несколько минут Беник вернулся и снова уселся рядом с ним на сиденье. Передумал, что ли?

– Александр, – сказал он очень серьезно, – слушай меня внимательно. Этот Дынкин – страшный человек. Не связывайся ты с ним, а то пропадешь. Отдай ему деньги, чтобы он только отстал.

– Да где же мне их взять?

– Возьми ссуду.

– Да не дают мне ссуд никаких. У меня кредитный рейтинг – того-с.

Беник снова глубоко задумался. Сидел, смотрел в окно некоторое время, шевелил губами. Наконец повернулся к Сашку, фамильярно хлопнул его по плечу. Сказал:

– Слушай, если уж пошла такая пьянка... давай я тебе, что ли, одолжу... сколько, говоришь, четыреста стерлиговых? Это меньше шестисот зеленых... да это вообще не деньги – ты скоро это сам поймешь...

– Спасибо, но, наверное, Дынкин еще и портфель потребует... Не знаю, какой из двух... Лучше бы отдать ему оба...

Это сообщение настолько поразило Беника, что он снова надолго замолчал, потом даже закрыл лицо руками.

– Зачем же оба? – наконец шепотом спросил он.

– Ну, он же не знает точно, в котором из них...

Беник удивился.

– В котором из них что?

– Ну, то, что вы там прячете...

– Кто прячет? Я?! – Беник вдруг расхохотался. – Ах, вот что ты удумал... Что там дурь какая-нибудь зашита, да?

– Ну, или деньги. Или еще что...

– Понял. Как в анекдоте про Вовочку, неправильно, но мне нравится направление ваших мыслей... Нет, Андреич, но дело для тебя, может быть, еще более стремное... Знаешь что? Давай я тебя из этой параша попробую вытащить... Я тебе сегодня сгожусь, а завтра ты – мне... По рукам?

– Ну, наверно, но я не знаю...

– Только давай договоримся железно: ты от этого Дынкина попробуй оторваться. Не соглашайся ни на что, чем бы он тебя ни манил. Обещаешь?

– Ну, наверно, да, обещаю, в общем...

– Побожись!

Сашок уже больше не удивлялся. Видно, было так принято в этой среде – чуть что, сразу призывать Всевышнего в свидетели.

– Ну, пожалуйста... Богом клянусь...

Беник отвернулся, засунул правую руку во внутренний карман, долго там шуровал и, наконец, извлек оттуда пачку пятидесятифунтовых.

– На, держи, здесь четыреста пятьдесят. На всякий случай, вдруг этот гад ползучий еще полста тебе насчитает... И портфель забирай, вот этот, порванный. Отдай ему, гаду, пусть подавится... За портфель с тебя еще пятьдесят. Будешь должен мне пять сотен. Под восемнадцать процентов годовых. Да ты не очкуй... Если что, найду тебе подработку. Вот тут перевод требуется... У тебя с военной терминологией как?

«Военная терминология почему-то! Как странно. Зря я на военке халтурил», – подумал Сашок, но вслух пробормотал:

– Да я не специалист, но если подготовиться...

– Ну и ладушки... Да... И что-то меня еще просили такое... из области туризма... Ты же экскурсии водить можешь? По историческим пабам Кента, например, а? Не бэ, отработаешь...

– А что, если Дынкин второй портфель будет требовать? – спросил ошеломленный Сашок, нерешительно протягивая руку к деньгам.

– Пусть только попробует! – Беник решительно вложил банкноты в Сашкову ладонь и больно сжал его пальцы. – Пусть попробует, козел!

И в глазах Беника загорелся какой-то особый, прямо скажем, жутковатый огонь. «Наверное, это называется – inferнальный», – пронеслось в голове у Сашка в тот момент, когда он покорно прятал деньги в карман.

Глава 8

Снятый со счетчика

Черный «Лендровер» с затемненными стеклами, у выхода со станции «Хизер Грин», в среду, 13.15. Такое место и время встречи назначил Сашку Лещ. Надо думать, по поручению своего босса – чернокожего Дынкина. Сашок пришел поначалу в уныние: как же выбраться туда в рабочий день? Но потом – как головой в омут – пошел к своему суровому начальнику, мистеру Сингху, по кличке Синюха, нагло врать, что поражен острой зубной болью и нуждается в срочном визите к дантисту. Сашок, как известно, врать не умел (считая это свое свойство огромным недостатком), вот и на этот раз покраснел как рак, но так как он долго до этого прижимал к лицу платок и изо всех сил тер щеку, то вышло вроде бы незаметно. В смысле же преодоления моральных мук Сашок успокоил себя тем рассуждением, что встреча с Дынкиным и Ко может вполне приравняться к походу к дантисту или даже к двум таким походам. Причем с удалением нерва, а также пары зубов мудрости каждый. И, может быть, во второй раз еще и с разрезанием десны в придачу. Кроме того, Сашок припомнил, что как-то прошлой весной он действительно мучился зубами, но отпроситься постеснялся. «Пойдет в зачет за тот раз», – подумал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.